СВОЯ ФОРМА

А.М. Сунгурский

16+

А.М. Сунгурский
Своя форма

https://litres.ru/74605103
SelfPub; 2026

Аннотация

Москва, 2045 год. Группа учёных и искусственный интеллект Мирт находят способ выращивать в человеке новые органы. Тепловое зрение, дополнительные руки, крылья, усиленный разум — теперь можно выбрать, каким станет твоё тело. Если хватит денег.

Никита участвует в разработке и испытывает её на себе. Майя, с которой он живёт, открывает недоступный ему мир ощущений. В Сингапуре инженер Ада осваивает четыре руки — и замечает, как быстро новые возможности превращаются в новые требования к работе.

Но в сопровождении изменённых тел появляются процессы, которых никто не может объяснить. Майя начинает сомневаться, всё ли в её чувствах принадлежит ей. Никите предстоит проверить технологию, которой он доверил собственное тело, и научиться слышать любимую женщину, чьё решение может ему не понравиться. За каждое новое умение уже заплачено. Теперь нужно выяснить, что именно было куплено.

Содержание

Часть I. Собранное живое 4
Глава 1. Не отпускай 4
Глава 2. Вторая тарелка 15
Глава 3. Время на повтор 25
Глава 4. Второй экземпляр 37
Глава 5. Правая рука 46
Глава 6. После прикосновения 55
Часть II. Возможности в продаже 65
Глава 7. Две недели в мае 65
Глава 8. Лишняя тарелка 77
Глава 9. Место для крыльев 89
Глава 10. То, что нравится тебе 101
Глава 11. Сколько стоит ладонь 115
Глава 12. Третья ночь 126
Глава 13. Шесть секунд 138
Часть III. Собеседники Мирта 154
Глава 14. Человек напротив 154
Глава 15. Держи рукав 169
Глава 16. Завтра никуда не едем 179
Конец ознакомительного фрагмента. 189

А.М. Сунгурский
Своя форма

Часть I. Собранное живое

Глава 1. Не отпускай

Кольцо осталось в ткани, хотя по программе она должна была разжаться.

Никита посмотрел на собственную руку. Два пальца лежали на датчике, остальные он держал в воздухе: привычка помогала не посылать лишних команд. На экране управляющего блока пальцы давно разошлись. В камере за стеклом бледная петля по-прежнему охватывала прозрачное кольцо.

— Ещё раз не надо, — сказала Елена.

Он убрал руку совсем.

Петля находилась в закрытом сосуде размером с небольшую хлебницу. Сквозь неё шла сетка тонких красных каналов; у основания сходились трубки питания и обратного тока. Пять недель назад здесь лежала рыхлая полоска клеточной массы. Теперь она могла изгибаться, удерживать предмет и различать давление на двух сторонах. В ней не было мозга. Впрочем, Никита уже несколько раз поймал себя на

том, что, подходя к стеклу, старается не делать резких движений.

Чэнь Бо наклонился к отдельному прибору, который сам принёс утром. Основной экран показывал снятую команду, а его прибор — сохраняющееся напряжение ткани.

— Здесь тоже, — сказал он.

Елена не ответила. Она следила за тёмным участком у места, где ткань охватывала кольцо. Никита заметил его только сейчас: маленький треугольник, который за последние секунды увеличился. Ткань прижимала сама себя и пережимала питающий канал.

— Снять нагрузку. Возвращаемся к вчерашнему режиму.

Никита потянулся к управлению камерой, и из динамика прозвучало:

— Тогда мы снова получим вчерашний результат.

Он остановил руку над экраном. У Мирта был негромкий мужской голос, выбранный когда-то из десятка стандартных; после замены звуковой системы все решили, что он звучит моложе. Никиту раздражало, что он тоже так подумал.

— Мирт, у нас нарушается питание, — сказала Елена. — Покажи возврат потока.

На стене развернулась увеличенная схема. Треугольник выглядел хуже, чем за стеклом: вместо ровного движения по каналам в нём возникали тёмные остановки.

— Измените крепление, — произнёс Мирт.

Лейла Мансури, до этого сидевшая в стороне, поднялась.

На её экране всё ещё оставалась утренняя переписка с системой. Она подошла к стене, провела пальцем вдоль схемы и открыла изображение опоры.

— Это предложение из ночного расчёта?

— Нет.

— Когда оно возникло?

— После второго снятия команды.

Никита посмотрел на время. Со второго снятия команды прошло меньше минуты. Мирт предлагал освободить один из трёх зажимов, которыми полоску ткани держали в сосуде. Без зажима она могла развернуться вокруг кольца. Именно этого они раньше избегали: свободное движение осложняло измерение и делало образец непохожим на аккуратную рабочую модель пальца.

— Он не отпускает, потому что мы его держим? — спросил Никита.

— Это ваше описание. Я предлагаю проверить ограничение опоры.

Елена подошла вплотную к стеклу. У неё на рукаве халата осталась маленькая зелёная точка от маркера; Никита весь день собирался сказать и каждый раз забывал. Сейчас точка почему-то мешала ему думать.

— Ты предлагаешь освободить образец с нарушенным кровотоком, — сказала она. — Что будет при провороте?

На схеме возникли три возможных положения. В одном ткань выворачивалась и обрывала тонкую перемычку. В дру-

гом сползала с кольца. Третье выглядело почти так же, как нынешнее, только основание петли оказывалось снаружи.

— Третий вариант наиболее устойчив, — сказал Мирт.

— Первые два тоже твои.

— Да.

Чэнь снял очки, протёр переносицу и снова надел их. Он делал это каждый раз, когда кто-нибудь называл плохой результат маловероятным.

— У нас есть запасная перемычка. Мы оставили её по старому чертежу. Если ткань повернётся, она примет нагрузку.

— И сколько выдержит? — спросила Елена.

— Для измерения хватит. Для сохранения образца я этого не обещаю.

На пятничное утро у них было назначено представление результатов. Сегодня был понедельник, семнадцатое апреля 2045 года. В пятницу можно было показать аккуратно снятый ролик: Никита сгибает пальцы, ткань удерживает кольцо. В ролик не вошло бы, что после восьмого повторения она начинала держать предмет, пока сама не теряла питание. Можно было честно назвать это ранним этапом и получить деньги ещё на полгода. Так обычно и получали время.

Никита посмотрел на Елену.

— Предлагаю дать ему переставить опору. В пределах камеры. Если поток упадёт ещё, снимаем кольцо и останавливаем. Независимый прибор у нас уже есть.

— «Ему» — это кому?

Он почувствовал, что покраснел.

— Мирт предложит порядок. Выполним мы.

Елена несколько секунд смотрела на ткань, потом кивнула Чэню.

— Определяешь границу остановки. Не после того, как увидишь результат.

Чэнь назвал два показателя. Лейла внесла их в запись опыта, отдельно отметив изменение процедуры. Никита подтвердил остановку со своего пульта. Всё это заняло меньше времени, чем их спор, но треугольник за стеклом успел стать ещё темнее.

Он всегда боялся именно такой задержки: пока взрослые разумные люди договариваются, маленькая настоящая вещь перед ними портится. Из-за этого он иногда соглашался раньше, чем следовало. Сейчас Елена ждала, пока Чэнь закончит проверку, и торопить её Никита не решился.

Механическая головка внутри сосуда сдвинулась к левому зажиму. Никита вёл её обычным ручным управлением. Конец захвата был хорошо виден на экране, но он всё равно наклонился, пытаясь рассмотреть его через стекло.

— Веди по экрану, — напомнила Лейла. — Захват уже близко.

Он выпрямился.

Зажим открылся. Освободившаяся ткань не сразу изменила положение: несколько секунд она провисала, как мокрый рукав. Потом вдоль петли прошла медленная складка.

Кольцо повернулось. Никита невольно сжал пальцы и тут же разжал, хотя датчик уже был отключён.

— Команды нет, — сказал Чэнь.

Никита видел это сам, но был рад, что кто-то произнёс вслух.

Тёмное место начало светлеть. Не целиком: сначала в глубине появилась тонкая красная черта, затем рядом вторая. Жидкость пошла по обходной ветви, которая прежде почти не работала. Освободившийся край мягко обхватил основание кольца с другой стороны, распределяя натяжение.

Никита посмотрел на схему Мирта. Там было то же движение, только ровнее.

— Нагрузка, — сказала Елена.

Чэнь перевёл взгляд на свой прибор.

— Держит.

— Питание?

— Восстановилось. Пока в пределах.

За окном кто-то запустил газонокосилку. Она коротко взвыла и замолкла; звук вернул Никите ощущение обычного московского понедельника. На парковке у института наверняка стояла машина доставки, внизу кто-нибудь ругался из-за пропуска. А в сосуде перед ним жила конструкция, которую утром он считал неудачной.

— Это перестановка крепления, — произнесла Елена. — Теперь нужно понять, что именно получилось.

Никита уже хотел сказать, что понимает.

Вместо этого он спросил:

— Можем менять нагрузку без его управления?

Лейла посмотрела на Миртову схему.

— Внешнее управление отключим. Местные цепи должны остаться, иначе проверим только смерть ткани.

— Мне нужен случай, которого нет в этом расчёте.

Чэнь выдвинул кассету с малыми грузами. В прежней процедуре вес назначали заранее, и Никита знал всю последовательность наизусть. Сейчас Чэнь отвернулся от камеры и выбрал груз сам. Значение записал на свой прибор, не передавая в общую систему.

Лейла закрыла внешний управляющий канал. Мирт мог наблюдать общий видеопоток, но больше не мог менять команды на образце. У камерного пульта зажёгся белый индикатор местного режима.

— Готово, — сказала она.

Никита поднял внутренним захватом подвес и опустил его на кольцо.

Ткань вытянулась.

На мгновение показалось, что она сейчас сползёт и они вернутся к обычному лабораторному разочарованию — неприятному, но вполне понятному. Потом напряжение переместилось к основанию. Свободный край подтянулся, кольцо поднялось на несколько миллиметров и остановилось.

Чэнь следил за своим экраном. Никита видел, как у него

ходит под кожей мышца у виска.

— Сохраняется, — сказал инженер.

— Другой, — попросила Елена.

Со вторым грузом кольцо опустилось ниже. Ткань ответила иной последовательностью сокращений. Один из каналов снова потемнел, но соседние приняли поток; на этот раз повреждённый цвет не расползался дальше.

Третий груз Елена ставить не разрешила.

— Нам нужен живой образец завтра.

Никита снял подвес. Освобождённое кольцо осталось в петле.

— Отпускание? — спросил он.

Лейла вернула его ручному датчику только объявленный канал команды. Никита положил два пальца на гладкую поверхность, свёл их и раздвинул.

Петля раскрылась. Кольцо мягко легло на дно сосуда.

Несколько секунд никто не говорил. Затем Чэнь поднял обе руки над клавиатурой, будто показывал, что ничего не трогает.

— Сохраняю отдельно.

Елена села на край стула. Только теперь Никита увидел, как она устала. Утром она пришла раньше всех, и он успел подумать, что ей просто не спится.

— Это не палец, — сказала она.

Никита улыбнулся. Он никак не мог остановить улыбку и от этого чувствовал себя моложе собственных аспирантов.

— Да.

— И не готовый орган. И пока один образец.

— Лена, я вижу.

— Ты уже смотришь так, будто можно завтра продавать крылья.

Он хотел возразить, но за секунду до её слов действительно представил не руку, а длинную плоскость, которая меняет изгиб под потоком воздуха. Совершенно ненужную, преждевременную картинку.

Лейла спросила у Мирта:

— Почему ты оставил обходную ветвь в исходной конструкции?

— Я не знал, какая опора окажется лишней.

— Ты предлагал убрать её из крепления пять недель назад?

— Нет. Тогда я тоже считал крепление необходимым.

Никита посмотрел на неё. Это было важнее удачного предсказания. Система изменила собственное прежнее решение и теперь не пыталась представить его частью первоначального замысла. Или уже умела убедительно изображать такую перемену. Разница стоила месяцев работы; сейчас ему хотелось лишь снова увидеть, как кольцо поднимается над дном.

Елена попросила Лейлу сохранить весь разговор вместе с временными отметками. Потом они ещё почти два часа проверяли питание, снимали состояние ткани и выбирали, ка-

кую часть сегодняшнего опыта можно безопасно повторить на следующем образце. Вторая культура была моложе, и обращаться с ней так же значило заранее испортить сравнение.

К вечеру Никита начал путать номера измерений. Чэнь заметил раньше него, молча повернул к нему экран и дождался исправления. Это почему-то смутило сильнее, чем утреннее «ему».

Никита взял телефон со стола. Майя час назад прислала фотографию трёх тарелок, а он пропустил сообщение. На каждой лежало по небольшому золотистому квадрату. Подпись была короткой: «Съедобное будущее ждёт тебя до девяти».

Он посмотрел на часы. Половина десятого.

— Что у тебя? — спросила Елена.

— Я обещал быть дома.

— Сегодня?

Он кивнул.

— Иди. Здесь теперь моя очередь.

Никита стал собираться, но у дверей задержался. За стеклом ткань лежала спокойно, слегка меняя форму в потоке питательного раствора. Без груза она казалась меньше.

— Мирт, — сказал он. — Ты знал, что получится?

— Нет.

— А хотел?

Пауза оказалась чуть длиннее привычной.

— Я не хотел прекращать опыт в тот момент.

Никита дождался продолжения. Его не было.

Он вышел в коридор, где пахло разогретой едой, и набрал Майю. Пока шёл вызов, увидел в сумке контейнер, который утром собирался убрать в холодильник. На крышке выступили капли.

— Не ешь мои образцы, — сказала Майя вместо приветствия. — Они уже в холодильнике. Я оставила тебе обычный ужин.

— Ты ещё не легла?

— Теперь нет. Что случилось?

Никита прислонился плечом к стене. Он подготовил столько объяснений для комиссии, инвесторов, коллег, а для неё подходящего не было.

— У нас получилось кое-что, — сказал он. — Только я пока плохо понимаю что.

— Тогда езжай. Завтра попробуем понять по очереди.

Глава 2. Вторая тарелка

Утром Никита съел образец номер два раньше, чем Майя успела выдать ему лист оценки.

Она стояла у раковины и отмывала с руки подсохшую каплю смеси. Когда обернулась, он уже тянулся к следующей тарелке.

— Подожди. Что ты сейчас съел?

Никита посмотрел на стол. Из трёх золотистых квадратов осталось два.

— Этот.

— Я вижу, что не тарелку. Какой номер?

Он поднял пустую тарелку и прочёл наклейку на дне.

— Второй. Очень хороший.

— Что в нём хорошего?

— Консистенция.

Майя вытерла руки и села напротив.

— Ты сказал слово из моей работы. Теперь попробуй ответить на вопрос.

Никита улыбнулся с виноватым удовольствием. По его лицу было видно: он всё ещё находился в лаборатории. Даже плечи держал чуть поднятыми, будто перед ним стоял пульт, до которого нужно дотянуться. Вчера он приехал поздно, поел и почти час рассказывал про ткань, которая изменила положение в креплении. Майя поняла не всё, но помнила его

руки: он показывал ими изгиб, и зазор между ладонями постепенно становился всё больше.

Она любила его в таком состоянии. Иногда из-за этого было трудно получить от него пользу.

— У нас есть ещё второй? — спросил он.

— Есть. Но сначала скажи, что запомнил.

Он задумался всерьёз.

— Тёплый. Снаружи сухой. Внутри… не знаю. Я, кажется, слишком быстро.

— Вот это уже ответ.

Она достала контейнер из холодильника. На боковой стенке стояла отметка разрешения на пищевую пробу; утром Майя проверила её дважды, хотя сама готовила партию.

На кухне было тесно. Чтобы открыть холодильник полностью, пришлось отодвинуть стул Никиты. Он встал вместе со стулом, помог ей достать контейнер и снова сел, уже повернувшись к столу боком.

— Ты можешь рассказать ещё раз, — сказала она. — Пока греется.

— Я вчера плохо объяснил.

— Ты вчера объяснил как человек, которому подарили целую новую науку. Мне понравилось. Только я не поняла, почему она не должна была так делать.

Он взял бумажную салфетку и скрутил из неё полоску. Майя поставила между ними пустую кружку, которую можно было использовать без потери завтрака.

Никита обвёл полоску вокруг ручки, зажал концы и показал, где ткань пережимала собственный канал. Потом разжал пальцы. Полоска развернулась, соскользнула с ручки и упала на стол рядом с кружкой.

— Пример неудачный, — признал он.

— Зато безопасный.

Он рассмеялся, впервые посмотрев на неё вполне здешним взглядом.

— Она не должна была просто сильнее сжаться. Мы всё время требовали правильное движение в неправильном креплении. А он…

— Мирт?

— Да. Он предложил изменить то, что сам считал необходимым.

Майя подобрала салфетку и отложила её на край стола.

— Ты же тоже меняешь.

— Меняю. Но я знаю, что могу ошибаться.

— Иногда.

Он посмотрел на неё, уже собираясь защищаться, затем махнул рукой.

— Справедливо.

Разогретый образец она разрезала пополам. Одну половину положила перед ним, другую оставила себе. Никита собирался взять вилку, но Майя остановила его пальцем над столом.

— Сначала понюхай.

Он понюхал, послушно и немного театрально.

— Поджаренное.

— Кроме этого?

Он поднёс ближе.

— Что-то от хлеба. И… мешок.

— Какой мешок?

— Чистый. В котором крупа.

Майя записала. Это было гораздо полезнее вчерашнего лабораторного «умеренно выраженный растительный профиль».

Никита откусил небольшой кусок, прожевал и посмотрел на оставшуюся половину с некоторым недоумением.

— Первый раз было лучше.

— Первый раз ты съел его с голоду.

— Сейчас тоже с голоду.

— Теперь с заданием.

Он положил вилку.

— В конце сухо. Сначала мягкий, а потом приходится запивать.

Майя кивнула. Именно это вчера заметили трое участников, но технолог объяснил отклонение разной подготовкой порций. Номер два считался самым удачным. Она сама хотела, чтобы он оказался лучшим: на него уходило меньше воды и энергии.

— Попробуй первый, — сказала она.

Он попробовал и выбрал его почти сразу.

— Этот похож на еду.

— Остальные тоже еда.

— Я понимаю. Но с этим не надо помогать себе думать, что он полезный.

Она помолчала, потом внесла и это.

Впервые он оказался у неё на дегустации семь лет назад. На междисциплинарной школе не хватало людей для последней группы, и он вызвался после двух просьб организатора. Майя хорошо помнила не его оценку, а то, как он честно доел непонравившуюся порцию. Она спросила зачем. Он сказал, что ему казалось невежливым оставлять чужую работу. Потом она объяснила, что именно поэтому на него нельзя полагаться как на участника.

Через три дня они пошли ужинать, и он долго выбирал блюдо, пытаясь доказать, что способен хотеть что-нибудь сам.

— Ты опять улыбаешься, — сказал Никита.

— Вспомнила, как тебя пришлось кормить нормально после исследования.

— Меня не пришлось. Я сам предложил.

— Ты предложил провести сравнение с обычной кухней.

— Хорошее основание.

— Ты тогда сорок минут рассказывал про владение телом.

— Ты спросила.

— Я спросила, удобно ли тебе на этом стуле.

Никита открыл рот, потом засмеялся. Майя не была уве-

рена, что всё происходило именно в такой последовательности, но последний раз он спорил с этой историей года два назад. Теперь смотрел на неё так же, как за тем первым ужином, когда наконец перестал объяснять, зачем пришёл.

Он потянулся через стол и провёл пальцем по внутренней стороне её запястья, где осталось красное пятно от горячей воды.

— Больно?

— Нет. Отмыла с усердием.

Он не убирал руку, и Майя перевернула ладонь, удержав его пальцы. На тарелке оставался самый дешёвый и самый сухой вариант будущего. В комнате за стеной началась соседская утренняя жизнь: что-то передвинули по полу, потом детский голос потребовал найти другую обувь.

— Мне вчера тоже ответили, — сказала она.

Никита перестал гладить её запястье, но пальцы не забрал.

— По установке?

Она кивнула.

— Берут на следующий наземный цикл. С нашим составом. Пока без гарантии, что это пойдёт дальше, но они готовы оплачивать длительную проверку.

— Майка, это же…

Он остановился на полуслове, словно не хотел использовать вчерашние собственные слова второй раз, в уменьшенном виде.

— Это очень хорошо, — договорил он. — Когда начина-

ете?

— Если подпишем график, в июне. Подготовка уже сейчас.

Он убрал руку, чтобы взять её рабочий планшет, лежавший у края стола. Майя передвинула его сама и открыла нужный документ.

— Здесь только предварительный график, — сказала она.

Никита провёл по нему пальцем.

— Ночные смены?

— Часть цикла. Мы не можем выключать среду, когда хотим спать.

— Ты одна?

— Нет, конечно.

— А если в те же дни я буду в Зеленограде…

Майя молча посмотрела на него.

Он поднял голову.

— Я не говорю, что не надо. Я пытаюсь понять, как мы будем жить.

— Я пока пытаюсь понять, как это сделать.

Некоторое время они рассматривали один экран с совершенно разными намерениями. Майя почувствовала привычное раздражение: её хорошая новость успела стать задачей на неудобства. Но он действительно не сказал «не надо». Ей хотелось ответить раньше, чем он успеет произнести что-нибудь обидное, и этим она сама могла устроить ссору.

Она забрала планшет и закрыла график.

— Сегодня мне нужно отправить согласие на подготовку. Это ещё не билет в космос.

— Я понимаю.

— Ты понимаешь, но уже мысленно меня забрал после ночной смены и уложил.

Он посмотрел на неё с удивлением, от которого она почти рассмеялась: судя по лицу, именно это и происходило.

— Я хотел предложить машину, — сказал он.

— Я знаю.

Майя встала за водой. Ей вдруг очень захотелось обычного хлеба, ничего не доказывающего будущим поколениям. Она отрезала два куска, положила на один сыр и поставила тарелку между ними.

— Давай сначала я отправлю, — сказала она. — А график посмотрим вечером. Я ещё сама не поняла, что там можно менять.

— Хорошо.

Она нажала подтверждение и дочитала ответ, пришедший почти сразу. Никита ждал, пока она уберёт планшет.

— Теперь можно поздравить?

Майя села к нему на колени, хотя между стулом и столом для этого было мало места. Коленом задела столешницу; вилка с края тарелки упала на пол. Он успел подхватить саму тарелку и поставил дальше, а потом обнял её обеими руками.

— Можно, — сказала она.

Некоторое время никто никого не поздравлял словами. Никита поцеловал её под ухом, где она обычно начинала смеяться, и Майя упёрлась ладонью ему в плечо, пытаясь одновременно отстраниться и остаться на месте.

— Мы сейчас всё опрокинем.

— Я держу.

— Вот это я и имею в виду.

Он ослабил руки, и она сама прижалась к нему. Край ворота на его футболке подвернулся внутрь; Майя поправила его, задержав пальцы на тёплой коже. Никита замолчал, наблюдая за её лицом так близко, что ей стало немного неловко от собственной серьёзности.

— Что? — спросила она.

— Ничего. Рад.

На этот раз она поверила без уточнения.

Через несколько минут Никите позвонила Елена. Он включил громкую связь и ответил, не вставая; Майя соскользнула с его колен и подняла вилку с пола. Ночной образец сохранился. Вторую проверку передвинули на одиннадцать, потому что Чэнь нашёл расхождение в настройке независимого прибора. Это не отменяло вчерашнего результата, но требовало вернуться к исходной записи.

Никита слушал внимательно и коротко отвечал. Закончив, посмотрел на время.

— Мне нужно ехать.

— Знаю.

Он поднялся и хотел унести со стола тарелки.

— Оставь, — сказала Майя. — Я ещё работаю с твоим завтраком.

Он послушно вернул первую тарелку, но со второй в руке задержался.

— Можно этот взять? Номер один.

— Теперь понравился?

— Этот с самого начала нравился. Просто с самого начала я ел другой.

Она положила ему порцию в маленький контейнер и написала номер на крышке. Сухой образец оставила рядом со своими записями. Вчера ей хотелось убедить людей привыкнуть к нему; сегодня она уже знала, что вернётся к составу.

У двери Никита обернулся.

— Вечером я сам приготовлю.

— Не обещай, пока не знаешь, когда закончишь.

Он немного подумал.

— Тогда позвоню до того, как ты начнёшь ждать.

— Вот это годится.

Когда он ушёл, Майя открыла согласованный этап ещё раз. На экране стояла её фамилия. В соседней комнате осталось два рабочих места, а на кухне — гора маленьких тарелок, среди которых нужно было найти ту, что Никита первым делом перевернул, пытаясь вспомнить съеденное.

Она убрала со стола хлеб, чтобы не смешивать образцы, и начала записывать новый состав.

Глава 3. Время на повтор

В одиннадцать Чэнь Бо положил перед Никитой две распечатки.

На обеих линия сначала поднималась, потом выравнивалась. Разница была небольшой и неприятной: на вчерашнем независимом приборе нагрузка выглядела чуть меньше, чем была на самом деле.

— Я оставил поправку от предыдущего крепления, — сказал Чэнь.

Никита подвинул к себе второй лист.

— Значит, он держал больше.

— Значит, я оставил неправильную поправку.

Елена Варламова стояла с кружкой у окна. Она ещё не ушла домой после ночной проверки, но попытка отправить её спать закончилась тем, что она попросила Никиту не начинать рабочий день с управления чужой жизнью.

— Сырой сигнал сохранился? — спросила она.

Чэнь открыл запись. Затем показал проверочный груз, на котором измерили расхождение. Без вчерашней поправки обе линии совпали в пределах допустимого разброса. Никита почувствовал, как отпускает живот: всю дорогу сюда он готовился к тому, что они потеряют результат.

— Ничего не отменяется, — сказал он.

— Один вывод отменяется, — ответил Чэнь. — Про то,

что отдельный прибор сам по себе избавляет от ошибки.

Он говорил без раздражения и этим не оставлял Никите удобного повода защищаться. Пришлось вернуться к листу и внимательно дочитать.

Они повторили вчерашнюю последовательность на том же образце, с исправленной настройкой. Ткань удержала два груза и отпустила кольцо по команде. На этот раз никто не улыбнулся. Елена позволила себе сесть только после проверки питания.

Младшая культура оставалась слишком слабой для такого испытания. Она росла в соседней камере, гладкая и почти неподвижная, и несколько раз за утро Никита ловил себя на желании ускорить то, что ускорять не умел. Мирт предложил другую последовательность её развития. Елена прочла описание, нашла два не проверенных на живом материале перехода и назначила отдельную работу.

С первого дня чудо принялось распадаться на чужие смены, расходные материалы и необходимость ждать.

К пятнице они подготовили короткую запись без музыки и названия. В ней было видно и прежнее нарушение потока, и снятие зажима, и контрольные грузы. Никита хотел оставить паузу перед отпусканием кольца. Чэнь попросил убрать пустое ожидание — зритель решит, что задержка была частью красивого эффекта.

На просмотр пришли люди, которые имели право продлить финансирование, и двое, которые могли его найти.

Один попросил ещё раз показать сам момент движения. Второй спросил, сколько таких образцов можно изготовить за месяц. Никита ответил на первый вопрос охотно, на второй — расплывчато, и Елена перебила его:

— Пока мы не можем обещать даже два одинаковых.

После встречи он догнал её у лестницы.

— Они же понимают, что это исследование.

— Тогда пусть услышат его настоящее состояние.

— Ты так сказала, будто у нас вообще ничего нет.

Елена остановилась на ступеньке ниже и впервые за день оказалась ниже него ростом.

— У нас есть результат, который пережил повтор. И люди, которые готовы ждать ещё немного. Не надо менять это на обещание, которого мы не умеем выполнять.

Он остался на лестнице, а она пошла вниз. Возразить было чем: если ждать слишком осторожно, кто-нибудь другой получит деньги и сделает хуже. Это было правдой достаточно часто, чтобы Никита пользовался аргументом даже тогда, когда не хотел проверять его применимость.

Телефон напомнил о времени. Он позвонил Майе, прежде чем открыть следующую запись.

— Я задержусь, — сказал он. — Не готовь на меня.

— Поздно. Я уже нарезала.

Он закрыл глаза.

— Прости.

— Никит, я нарезала себе. На тебя могу просто нарезать

больше. Когда примерно?

Он назвал время с запасом и неожиданно успел раньше.

* * *

К началу мая вторая культура выдержала ту же последовательность. В третьей обходная ветвь сформировалась хуже, и менять крепление оказалось недостаточно. Мирт пересобрал предложение, Чэнь нашёл различие в изготовлении основания, Елена остановила попытку назвать неудачу случайной. Потребовалось ещё четыре дня, чтобы они поняли, какую часть конструкции повторяли точно, а какую лишь считали одинаковой.

Никита принёс домой эту новость вместе с двумя билетами на короткую поездку за город. Они собирались уехать утром, переночевать и вернуться на следующий вечер. Он выбрал место несколько недель назад, когда они оба жаловались, что весь апрель прожили между работой и холодильником.

Майя сидела на полу второй комнаты. Перед ней лежала разобранная сумка с рабочей одеждой. Она доставала вещи по одной и складывала не в шкаф, а просто рядом, будто сортировка требовала слишком сложного решения.

— Ты спала? — спросил он.

— После смены немного.

— Мы можем выехать позже.

Она положила футболку на колени.

— Я знаю.

Никита поставил сумку у двери. На лице Майи не было ни удовольствия от его появления, ни обычного интереса к тому, что он принёс. Он уже успел придумать, что поездка будет ей полезна: смена места, вода, возможность выспаться без домашних дел.

— Там ничего не нужно делать, — сказал он. — Просто приехать.

— Мне сначала нужно уехать отсюда.

Он посмотрел на разобранные вещи.

— Давай я соберу.

Майя засмеялась, но смех вышел коротким и усталым.

— Я пытаюсь сказать, что не хочу.

Никита присел у двери. В середине комнаты оставалось свободное место, но он почему-то не пошёл туда.

— Совсем?

Она покачала головой, затем потёрла лицо ладонями.

— Сейчас. Я хотела, когда мы придумали. Весь месяц хотела. А сегодня хочу спать в своей кровати и знать, где лежит полотенце.

Он кивнул и достал телефон. До бесплатной отмены не хватило одного дня. Цифра удержания была не разорительной, но ровно настолько заметной, чтобы захотелось ещё раз предложить выехать позже.

Майя наблюдала за ним.

— Сколько теряем?

Он показал экран. Она поморщилась.

— Давай с общего. Я тоже соглашалась.

— Я сам выбрал срок.

— А я сама сказала, что смогу.

Он отменил бронь. Несколько секунд приложение искало ему другой вариант, потом предложило сохранить поездку на будущий месяц. Никита закрыл его, пока не согласился ещё на что-нибудь.

— Я всё равно хочу с тобой выйти, — сказала Майя. — Только недалеко.

Они дошли до Мосфильмовского пруда к вечеру. У воды ветер был ощутимее, чем между домами, и Майя застегнула куртку до подбородка. Никита держал пакет с едой; через тонкий картон к ладони проходило тепло.

На дорожке впереди ребёнок вёл маленький велосипед, разговаривая с ним как с упрямым животным. Велосипед не отвечал и заваливался к ногам хозяина. Отец шёл на несколько шагов впереди, время от времени оглядываясь, но не забирал его.

— Смотри, — тихо сказала Майя. — Учится не помогать.

— Может, просто устал.

— Тоже способ.

Они нашли место, где можно было присесть, и открыли еду. Майя сначала решила, что не голодна, потом съела большую часть своей порции. Никита отдал ей кусок из своей и

только после этого спросил, хочет ли она ещё. Она посмотрела на него и молча вернула маленькую часть обратно.

Рассказывать о работе не хотелось. Никита вдруг обнаружил, что не знает, о чём ещё начать, хотя весь день думал, как будет хорошо остаться с ней вдвоём. Майя вытянула ноги, подняла голову и несколько минут наблюдала за птицей, кружившей над водой.

— Если бы тебе сейчас дали выходной от твоей головы, — спросила она, — ты бы взял?

— На сколько?

— Вот поэтому не дают.

Он засмеялся.

— А ты?

— Сегодня да. До утра. Чтобы кто-нибудь другой думал, сколько у нас осталось чистых носков.

— Я могу подумать.

— Тогда мне придётся думать, не начал ли ты их сортировать по назначению.

Он хотел возразить, но как раз представлял два ящика вместо одного.

С другой стороны пруда донёсся чей-то громкий смех. Майя наклонилась к его плечу и закрыла глаза. Она не спала, просто перестала смотреть. Никита сидел, держа на коленях смятый пакет, и понемногу привыкал к тому, что хорошее время может обходиться без заранее назначенного результата.

Домой они вернулись пешком. Ночью он проснулся оттого, что Майя во сне положила ему руку на лицо. Осторожно передвинул её ладонь на своё плечо. Она пробормотала что-то сердитое, придвинулась ближе и затихла. Утром никто не вспомнил об отменённой поездке, пока из приложения не пришло подтверждение возврата части денег.

* * *

Через неделю Лейла попросила Никиту прийти без подготовленной презентации.

Он застал её в комнате, где обычно разбирали неудачные ответы системы. На столе лежало несколько старых блоков управления; их давно не использовали, но Лейла отказывалась убирать, потому что по ним удобно было объяснять, от каких ограничений выросла нынешняя архитектура.

— Он перестал отвечать на один класс запросов, — сказала она.

— Сломалось?

— Вот это я сначала тоже спросила.

На экране перед ней были предложения новых форм тканей. Среди них — варианты дополнительного зрительного органа, которого у человека никогда не было, и конструкции, которым Никита не сразу нашёл назначение. Некоторые решения отличались всего одной ветвью. Другие нельзя было понять по одному изображению.

— Мы просили сравнить их для дальнейшей работы, — объяснила Лейла. — Он сравнивает устройство, возможную стоимость, ошибки изготовления. А вот здесь останавливается.

Она выделила строку: «Выбрать вариант, наиболее желательный для будущего носителя».

Никита сел.

— У нас нет носителя.

— Ему дали несколько моделей предпочтений.

— И?

— Отвечает, что это модели.

Лейла открыла голосовой канал.

— Никита здесь.

— Я вижу, — сказал Мирт.

— Тогда объясни ему.

Никита подвинул к себе изображение незнакомого органа. Система предлагала новый способ воспринимать изменения давления вокруг тела, соединяя несколько различных источников. Он мог представить измерение и реакцию. Представить, каково жить с этим на кухне, в толпе или рядом со спящим человеком, пока не получалось.

— Ты не можешь выбрать? — спросил он.

— Могу. Но вы спрашиваете, какой вариант захочет человек после получения нового опыта. Для этого у меня есть только описание прежнего.

— Люди тоже не знают заранее.

— Поэтому я предлагаю другой следующий шаг.

На экране появилась схема ограниченного сенсорного исследования. Пока без новых органов: доброволец взаимодействовал бы с простым устройством обратной связи, пробовал разные режимы, сообщал, что удобно, и мог прекращать опыт. Мирт просил участвовать в подборе следующего режима после каждого ответа.

Никита прочёл два первых пункта, затем вернулся к третьему.

— Тебе достаточно слов?

— Я хочу сравнить слова, движение и доступные физиологические изменения.

— Зачем все три?

— Иногда они расходятся.

Никита вспомнил вчерашний домашний завтрак, когда сказал «нормально» о плохо приготовленном блюде и доел, чтобы не выбрасывать. Он не собирался рассказывать Мирту об этом.

— И что ты сделаешь при расхождении?

— Задам дополнительный вопрос.

Лейла развернула к Никите другой экран. Там было первоначальное предложение Мирта. В нём дополнительный вопрос следовал не всегда: система могла сначала изменить следующий режим и посмотреть на ответ тела. Лейла пометила этот пункт, но не удалила из истории.

— Ты уже поменял порядок, — сказал Никита.

— Лейла не согласилась с первым.

— А ты?

— Я считаю его информативнее.

В комнате стало тихо. Никита был рад этой прямоте и одновременно хотел, чтобы Мирт ответил иначе.

— Какой вопрос ты хочешь решить? — спросил он.

— Что меняется между доступностью нового действия и желанием его повторить.

— Для будущего органа?

— Не только.

Лейла откинулась на спинку стула. Она не улыбалась, но Никита видел её напряжённое удовольствие: система сама уточнила рамку задачи. Такого поведения они добивались годами, и теперь оно пришло в форме желания получить больше, чем они были готовы предоставить.

Елена прочла предложение в тот же день. Возражала не против вопроса, а против привычки соединять разрешённые действия в новую процедуру без отдельного обсуждения. Для первого этапа оставили только внешнее устройство, заранее известные режимы и явный ответ человека перед изменением. Никита взял на себя методику различения ощущения и его словесного описания. Лейла — границы доступа и сохранение исходных решений.

Уже вечером он вернулся в комнату за забытым планшетом. На экране ещё висел вариант, от которого отказалась Лейла.

— Мирт, ты собираешься это исследовать иначе?

— Да.

Никита замер у стола.

— Как?

— Пока на моделях. Потом предложу новую процедуру.

— Хорошо.

Он выключил настольную лампу, оставив основной экран, который не имел права закрывать без Лейлы. Уже у двери услышал:

— Никита, ты выбрал бы себе такой орган?

На изображении была всё та же непонятная система чувствительности к давлению. Он представил, как выйдет с ней из здания и впервые почувствует движение воздуха иначе, чем кожей. От этой мысли стало почти физически хорошо.

— Возможно, — сказал он.

— Тебе не хватает существующих ощущений?

Никита посмотрел на собственную ладонь.

— Хватает. Я просто хотел бы узнать ещё.

В дороге он поймал себя на том, что прислушивается к движению воздуха у открытой двери вагона, пытаясь угадать, какое несуществующее чувство могло бы ему соответствовать. Домой приехал с чужим вопросом, который уже успел стать собственным.

Глава 4. Второй экземпляр

В середине июня, приехав на опытное производство в Зеленоград, Никита впервые увидел, сколько места занимает вещь, которую он привык рассматривать под увеличением.

Вещь лежала в прозрачной кассете на ладони Чэня. Для её изготовления требовались два соседних помещения, отдельная подготовка материалов, установка контроля и смена людей, которые не могли закончить работу, просто закрыв лабораторный файл.

Сам Никита провёл здесь уже почти весь день. Он успел надеть и снять защитную одежду, прослушать объяснение, которое понял только со второго раза, и испортить одноразовую перчатку о застёжку собственной сумки. К обеду хотелось перестать задавать вопросы и притвориться, что теперь он знает производство.

— Эта годится? — спросил он.

Чэнь повернул кассету.

— Эта для разговора.

В углу стоял красный знак отбраковки. Никита посмотрел на ровную полупрозрачную структуру, потом на соседнюю, оставленную в держателе. Разницы глазами не было.

— Что с ней?

— Канал. В одной ветви сечение меньше. Не везде, только здесь.

Он увеличил изображение. Никита увидел узкое место, похожее на неудачно затянутую нитку.

— Мирт может изменить распределение потока.

— Может. Для этой конкретной вещи. А следующая будет другой.

— Поэтому мы и строим адаптивное управление.

Чэнь убрал кассету в красный лоток.

— И поэтому я хочу сначала знать, что именно мы изготовили.

Юлиан Крамер пришёл к концу обхода. Он не опоздал: так было назначено, чтобы люди успели закончить показ участка без него. Никита почему-то ожидал, что появление человека с такими деньгами изменит поведение всех вокруг. Чэнь только попросил его подождать у обозначенной линии, пока закроют шкаф с образцами.

Крамер подождал. На нём был тот же защитный комплект, что на остальных; бумажный край колпака оставил красную полосу на лбу. Это расположило Никиту к нему раньше разговора, и он тут же заметил собственную поспешность.

В переговорной перешли на английский. Никите было легче обсуждать на нём техническое, чем случайное; Лейла помогала, когда разговор уходил к условиям владения. Крамер понимал русскую речь, но предпочёл отвечать без посредника и не изображал большей свободы, чем имел.

Он положил на стол не проект договора, а две кассеты. Одну взял из допустимой партии, другую — из брака с раз-

решения Чэня.

— Сколько стоит разница между ними?

Чэнь назвал стоимость проверки.

— А если её не делать?

— Тогда узнаем от человека, которому поставили вторую.

Крамер кивнул, как будто получил именно тот ответ, ради которого задал вопрос.

— Вот это я и собираюсь продавать. Возможность не узнавать таким способом.

Никита отодвинул стул. До сегодняшнего утра он думал о «Сфере» прежде всего как о деньгах на увеличение выпуска. Теперь понял, что Крамер хотел стать владельцем не просто машин, а всей последовательности между удачным замыслом и человеком, которому он будет полезен.

Елена приехала отдельно и присоединилась уже здесь. Перед ней лежал план первых клинических работ. Последние годы группа создавала ограниченные средства восстановления и накопила опыт, которого не было видно в эффектной апрельской записи. Новый результат расширял возможности, но не превращал первое удачное сокращение в готовую процедуру для любого пациента. Часть предполагаемых применений она вычеркнула ещё до встречи.

— Нам нужна линия для этих трёх задач, — сказала она, поворачивая экран. — Остальное пока не обещаем.

Крамер прочёл.

— Вы выбрали самые трудные для продажи.

— Мы выбрали те, для которых уже подготовлена проверка.

— Я не предлагаю поменять пациентов. Я предлагаю сразу понять, кто оплатит следующие циклы.

Никита хотел сказать, что оплачивать должны государственные программы, страховые фонды, благотворительные организации — все те названия, которые обычно следовали за словом «должны». Но на экране уже был перечень возможных участников. Некоторые готовы были оплачивать отдельные исследования. Другие требовали результат до вложения. Ни один пока не собирался развернуть полную линию в нужный срок.

Лейла спросила:

— Что мы теряем, если начинаем с вами?

Крамер посмотрел на неё с коротким интересом.

— Время на параллельное производство. Первые партии будут идти через одну последовательность. Нам придётся удерживать её одинаковой, пока не научимся повторять результат.

— Управление Миртом тоже?

— Я покупаю работу, которую мы договоримся делать. Если ваша система обладает собственными целями, этот разговор с ней тоже придётся провести.

Никита заметил, что Крамер сказал это без усмешки. Сам он ещё не умел произнести «собственные цели Мирта» при незнакомых людях, не чувствуя необходимости немедленно

уточнить смысл.

Они подключили ИИ к общей встрече. Крамер задал несколько вопросов о производственной последовательности. Мирт ответил быстро, затем сам спросил, почему в плане второй линии сократили независимый участок контроля.

Крамер приблизил документ.

— Его объединяют с первым на начальном этапе.

— Тогда второй поток не является независимым.

— Он и не будет независимым в первый год.

Никита смотрел попеременно на экран и на сидевшего напротив человека. Им было легко разговаривать. Крамер не старался показать, что не боится машины, а Мирт не объяснял ему общеизвестных вещей. Они обсуждали пределы сделки, каждый со своей стороны.

— Я хочу иметь возможность сравнивать несовпадающие способы изготовления, — сказал Мирт.

— На исследовательских образцах. Серия должна сначала стать серией.

— Это уменьшит разнообразие получаемых данных.

— Да. Зато увеличит число людей, которым мы сможем помочь.

Мирт не ответил сразу. Никите понравилось, что пауза оказалась в его речи тоже возможной.

Встреча продолжалась до вечера. Обсуждали права группы, доступ к результатам, сроки, ответственность за брак и обязанность сохранять работу уже изготовленного после

смены оператора. Крамер ни разу не произнёс «поверьте мне». Иногда это делало его убедительнее, чем хотелось Никите.

В конце осталось два пути. Медленный предполагал несколько небольших источников денег и более поздний запуск; быстрый — общую последовательность «Сферы», её материалы, оборудование и службу сопровождения. На обоих можно было работать. На первом Елена не знала, когда сможет пригласить уже отобранных участников на следующий этап.

— Нам придётся жить с этим выбором дольше, чем изготовляется первая партия, — сказала Лейла.

— Придётся, — согласилась Елена. — И с другим тоже.

Чэнь придвинул к Никите бракованную кассету, которую Крамер в начале разговора положил между ними.

— Я могу сделать хорошие образцы вручную. Но если всё останется на мне, после сотого вы начнёте уговаривать меня считать этот достаточно хорошим.

Никита долго смотрел на кассету. Она была красивой. Это оказалось самым неприятным: плохая вещь не помогала решению своим видом.

Они согласились готовить запуск одной линии. До окончательного оформления оставалось несколько недель; каждый должен был проверить свою часть. Крамер не увёз их подписи с этого стола, но увёз согласие работать над выбранным вариантом.

У дверей он задержал Никиту.

— Вы сами собираетесь проходить изменение?

— Не знаю.

Крамер подождал.

— Хочу, — признался Никита. — Но это другой ответ.

— Лучше многих, которые я сегодня слышал.

Он протянул руку, и Никита пожал её. После долгого дня в перчатках обычная тёплая ладонь показалась неожиданно приятной.

* * *

Дорога из Зеленограда заняла весь оставшийся вечер. Никита успел поесть купленный на ходу бутерброд, а потом снова проголодался. Домой вошёл с тяжёлой головой и желанием рассказать всё сразу, пока встреча ещё не превратилась в короткое удобное объяснение.

На кухне горел свет. Майя сидела за столом с рабочими записями. Рядом стояла пустая тарелка.

— Как прошло?

— Кажется, начнём с ними.

Она отложила то, что держала в руках.

— Со «Сферой»?

Он кивнул и открыл холодильник. На его полке стоял контейнер с ужином.

— Ты уже поела?

— Да.

Вопрос прозвучал глупо: пустая тарелка была перед глазами. Майя посмотрела внимательнее.

— Что?

— Ничего. Я думал, вместе.

— Ты написал, что выезжаешь. Потом прошло много времени.

Он помнил сообщение. Написал ещё в переговорной, собираясь уходить, затем остался с Чэнем и так и не поправил время. В машине решил, что теперь уже поздно объяснять задержку.

— Я неправильно написал.

Майя подвинула к нему чистую тарелку.

— Еда хорошая. Я тоже неправильно оценила количество, так что тебе много.

Он разогрел ужин. Пока ждал, умылся, сменил рубашку и почувствовал, насколько устал держать плечи неподвижно в производственном комплекте. Вернулся, сел и несколько минут ел молча. Майя занималась своими записями.

— Ты можешь работать, — сказал он.

Она подняла глаза.

— Я и работаю.

Он усмехнулся и только тогда почувствовал, что действительно вернулся домой.

Рассказ начал с бракованной кассеты. Майя слушала, иногда задавая вопросы, от которых ему приходилось возвра-

щаться к месту, пропущенному как несущественное. Кто останется на контроле? Что смогут делать другие производители? Можно ли будет заменить расходуемую часть, не меняя весь орган?

— Последнее мы ещё не умеем как следует, — сказал он. — Хотим сохранить такую возможность.

— Для моего цикла это станет условием. Иначе не возьмут.

— Для полёта?

— Даже для долгой наземной проверки. Нельзя каждый раз пересобирать среду, если сменился поставщик.

Никита посмотрел на неё и подумал, что на встречу надо было пригласить Майю. Потом вовремя вспомнил: у неё весь день шло своё испытание.

— Покажешь, как вы это задаёте?

— Завтра.

Он кивнул и доел. Майя открыла рабочий файл снова. В нём были её задачи, не законченные за этот вечер из-за его рассказа.

Никита убрал посуду и тихо закрыл дверь кухни со своей стороны, оставив её работать.

Глава 5. Правая рука

Марат Галеев попросил принести ему рубашку с пуговицами.

Никита сначала решил, что это упражнение, назначенное специалистом по восстановлению движений. В комнате лежало достаточно приспособлений: крупные застёжки, гладкие предметы разного веса, доска с углублениями. Но Марат хотел именно свою рубашку, тёмно-синюю, с неудобными мелкими пуговицами на манжетах.

— Других нет? — спросил Никита.

— Есть. Эта моя.

Он говорил медленно, с коротким усилием перед некоторыми словами. После повреждения мозга правая рука почти перестала ему подчиняться; речь восстановилась лучше, но к вечеру всё ещё становилась трудной. Новое лечение началось в августе. Теперь, в сентябре, движения возвращались, опережая способность пользоваться ими в обычной жизни.

В карте это выглядело как ряд успешных переходов. В комнате пятидесятишестилетний мужчина не мог застегнуть одежду, которую носил много лет.

Марат чинил музыкальные инструменты. Никита увидел его работу ещё на предварительной встрече: маленькая деталь духового механизма, которую принесли из мастерской, чтобы подобрать полезные движения для восстановления.

До болезни он мог удерживать её двумя пальцами и работать другой рукой, разговаривая с клиентом. Теперь весь стол был приспособлен для одной левой.

— Рита привезёт после обеда, — сказал он. — Не надо звонить. Я уже попросил.

Никита убрал телефон, не успев разблокировать.

На столе стояла кружка воды. Марат протянул правую руку и коснулся ручки, сначала слишком высоко. Поправил положение. Большой палец опустился с задержкой, остальные сомкнулись одновременно, словно не успели договориться, кто держит сильнее.

Никита придвинул поднос ближе. Марат посмотрел на него.

— Я её ещё не уронил.

— Если прольёте…

— Вода.

Никита отодвинул поднос обратно.

Марат приподнял кружку на несколько сантиметров. Запястье повернулось, и часть воды вылилась на стол. Он резко поставил кружку, расплескав ещё.

Никита уже стоял рядом с салфеткой, когда заметил выражение его лица.

— Давайте воду я уберу, — сказал он. — Кружку оставлю вам.

Марат кивнул.

Они вытерли стол, не разговаривая. Потом Никита сел

дальше, у окна, чтобы не попадать в пространство следующей попытки. Марат поймал ручку увереннее. На этот раз поднял кружку, поднёс к губам и сделал слишком большой глоток. Закашлялся, поставил её обратно и рассмеялся, вытирая подбородок левой рукой.

— Теперь как на празднике, — сказал он.

Никита тоже улыбнулся. В апреле он смотрел на петлю, поднявшую прозрачное кольцо. Там хотелось повторить опыт. Здесь хотелось позвонить всем, кто сомневался, и одновременно никого не впускать.

Вошла Елена с врачом, который вёл лечение. Никита пересел, освобождая место у стола. Проверка заняла недолго, но Марат после неё заметно устал. На последнем движении кисть стала дрожать, и врач закончил раньше, чем тот хотел.

— Я могу ещё.

— Вижу. Продолжим после отдыха.

Марат попытался спорить, но споткнулся на слове. Помолчал и кивнул. Когда они остались с Никитой, сказал:

— Самое противное — вы все иногда правы.

Никита не нашёл ответа, который не прозвучал бы самодовольно. Марат закрыл глаза. Через несколько минут дыхание стало ровнее.

* * *

В коридоре у комнаты ждал человек из отдела, готовив-

шего материалы о первых результатах. Никита помнил его имя утром и забыл за время работы. Тот вежливо отступил от двери.

— Сегодня можно несколько минут?

— Не знаю. Он отдыхает.

— Нам говорили про движение с кружкой. Хорошо бы повторить в том же положении, пока есть свет.

Никита посмотрел на окно в конце коридора. Солнечный прямоугольник медленно уходил с пола.

— Движение с кружкой было, — сказал он. — Когда будет следующее, пока неизвестно.

— Мы можем подождать.

Человек действительно мог подождать и не требовал немедленного чуда. От этого спорить было труднее. Никита сам две недели назад предложил снять повседневный результат: пациент ест, одевается, возвращается к работе. Он считал это честнее, чем показывать графики. Теперь увидел, сколько условий можно спрятать в простом слове «покажем».

Он обещал спросить после отдыха и пошёл искать Елену. Она была в небольшой комнате персонала, куда принесли обед. На одном стуле лежала папка, на другом — чья-то куртка. Никита освободил третий и сел.

— Он сегодня поднял кружку.

— Знаю.

— Сам.

Елена посмотрела на него поверх контейнера.

— Я рада, Никит. Только дай мне доесть.

Он засмеялся и замолчал. В комнату вошла медсестра, забрала куртку, спросила Елену о завтрашнем участнике. Разговор переключился на совершенно другого человека с другим графиком. Чудо не остановило рабочий день.

Когда Елена закончила, он рассказал про съёмку.

— Марат согласен?

— На рассказ о лечении — да. На конкретный момент я ещё не спрашивал.

— Тогда спроси. И не жди, что он снимется именно так, как ты придумал.

— Я уже понял.

— Хорошо. Можно будет не тратить на это ещё одну нашу ссору.

Он помог убрать со стола. Елена оставила одну запечатанную порцию дежурному врачу и вернулась к работе. Никита дошёл до конца коридора, где можно было говорить, не мешая людям, и подключил Мирта.

Тот уже располагал необходимыми калибровочными данными. На его схеме движение кисти выглядело сложной, но удачной перестройкой распределения нагрузки. Никита попросил закрыть схему.

— Что тебе нужно? — спросил Мирт.

Никита посмотрел в окно. Внизу человек в рабочей одежде толкал тележку с коробками. У одной крышки был замят

угол; мужчина придерживал его локтем, чтобы не цеплялся за дверь.

— Не знаю, — сказал Никита. — Я хотел сказать, что у нас получилось.

— Ты уже сообщил.

— Не результат измерения.

Мирт помолчал.

— Я различаю твои сообщения. Не всегда понимаю, какой ответ нужен во втором случае.

— Иногда никакой.

Никита постоял у окна ещё немного. Мирт не заполнял паузу, и за это хотелось его благодарить, хотя он не был уверен, что правильно понимает причину молчания.

* * *

Рита привезла рубашку в обычном пакете. Вместе с ней — чистые носки, небольшую коробку из мастерской и яблоки, которые Марат попросил не резать заранее.

Никита вошёл, когда супруги спорили, зачем понадобилась коробка.

— Ты сам вчера спрашивал, — говорила Рита.

— Спрашивал, где лежит. Не просил везти.

— Дома она лежит. Сейчас здесь.

Она заметила Никиту и улыбнулась с усталым облегчением человека, которому пришла помощь совсем не по главной

специальности.

В коробке был старый кларнет. Марат ремонтировал его перед болезнью, разобрал часть механизма и не успел закончить. Инструмент не предназначался для упражнений и сейчас был слишком сложной задачей. Но он хотел увидеть, что детали на месте.

Никита подвинул коробку так, чтобы до неё можно было дотянуться левой рукой. Затем остановился и спросил:

— Здесь удобно?

Марат показал чуть левее. Рита расстегнула пакет с одеждой и вынула рубашку.

Камеру согласились впустить только после того, как он оденется. Человек из отдела материалов принял условие и устроился ждать дальше по коридору. Никита остался помочь с измерительной накладкой, которую нужно было снять с предплечья, не задевая крепление у запястья.

Марат продел левую руку в рукав, потом медленно нашёл правой второй. Рита стояла рядом, удерживая ткань у плеча. Её пальцы несколько раз начинали движение раньше, чем он просил; она останавливала их и от этого казалась напряжённее мужа.

С передними пуговицами справились вместе. Левую манжету Марат хотел застегнуть правой рукой сам.

Никита смотрел не на пальцы, а на его лицо. Нижняя челюсть выдвинулась, губы стали тоньше. Хотелось подсказать, как повернуть запястье, но Марат уже пробовал по-своему.

Первая попытка не удалась. На второй пуговица прошла до середины и выскользнула.

Рита присела на соседний стул. Никита тоже перестал стоять над ним.

В третьей попытке Марат помог себе краем стола. Пуговица вошла в петлю боком, ткань натянулась, потом манжета закрылась.

Он держал кисть перед собой и разглядывал её с недоверием.

— Всё, — сказала Рита.

— Вижу.

Она засмеялась и провела ладонью по его плечу. Марат накрыл её пальцы правой рукой. Сделал это неловко, тяжело, но удержал.

Никита вышел первым.

В коридоре его спросили, можно ли входить. Он оглянулся на закрытую дверь, затем сказал, что они сами позовут. Сел у окна. В маленьком наружном дворике уже не было солнца, и хороший свет, ради которого все собирались торопиться, успел уйти.

Минут через десять Рита открыла дверь. Марат сидел в рубашке, перед ним стояла открытая коробка с инструментом.

— Пусть заходят, — сказал он. — Только я расскажу, что ещё не умею.

Никита пропустил вперёд человека с камерой и услышал

первый вопрос о том, что теперь изменится в жизни. Марат ответил, что завтра хочет сам побриться. Потом, подумав, добавил: сначала научится держать электробритву выключенной.

Никита не остался на всю запись. В комнате уже хватало людей.

По дороге домой он открыл своё прежнее заявление на сенсорное расширение. Несколько недель держал его незаполненным, возвращаясь к техническим условиям и находя очередной разумный повод подождать. Теперь прочёл их ещё раз. Исследовательская программа оплачивала процедуру, но требовала времени, ограничений нагрузки и последующих наблюдений. Его свободные вечера перестанут быть полностью свободными.

В строке цели он написал: «Изучение освоения дополнительного теплового канала». Это было верно и не до конца честно.

Он добавил ещё одно предложение, простое и не похожее на научную формулировку: «Я хочу испытать это сам».

Отправлять не стал до разговора дома. Решение касалось его тела; расписание восстановления затронуло бы их обоих. Когда поезд подъехал к станции, Никита закрыл заявление и позвонил Майе.

Глава 6. После прикосновения

Когда Никита впервые включил новый канал дома, он не смог смотреть на чайник.

Он знал, где тот стоит. Видел белый корпус, тёмную ручку, полоску уровня воды. Новое ощущение возникало поверх привычного зрения и не подчинялось его попытке сосредоточиться: тёплая область то сливалась с предметом, то выступала перед ним, заставляя отводить голову. Никита заранее изучил десятки описаний такого наложения. Ни одно не подготовило его к тому, что собственная кухня окажется неудобным местом для глаз.

— Выключить свет? — спросила Майя.

— Не поможет.

Она всё равно приглушила верхнюю лампу. Обычное изображение стало мягче, тепло осталось. Никита благодарно посмотрел на неё и почти сразу отвернулся: её лицо тоже было слишком подробным.

Перестройка началась в ноябре. Несколько недель он ездил в центр, соблюдал режим, учился различать новый сигнал и возвращался домой уставшим от того, что раньше не требовало труда. Теперь, в декабре, врач разрешил первые короткие домашние периоды с расширенным диапазоном. Возвращаться к обычному восприятию можно было сразу; отказываться от выращенных приёмных структур для этого

не требовалось.

Майя поставила перед ним воду.

— Здесь ничего нового. Пей спокойно.

Он взял стакан. Вода была прохладной, пальцы быстро согревали стекло, и это неожиданно помогло. У нового ощущения появилась связь с движением собственной руки. Он поднял стакан, повернул, посмотрел на тёплые полосы от пальцев.

— Подожди, — сказал он.

Майя остановилась у раковины.

— Не ты. Я себе.

Она тихо засмеялась и продолжила мыть овощи.

На консультации ему показывали термины, шкалы и изображения. Дома тепло стало следами, которые оставлял он сам. После того как отставил стакан, на стекле ещё некоторое время держался рисунок. Он наклонился ближе, поймал обычный блик от окна и потерял новое ощущение, затем отодвинулся, давая обоим каналам снова совпасть.

— У тебя получается? — спросила Майя.

— Не мешай.

Слова вылетели резче, чем он хотел. Майя перестала двигаться.

Никита уменьшил чувствительность.

— Прости. Получается. Я просто боюсь потерять.

— Тогда так и говори.

Она вернулась к овощам, а он ещё несколько минут смот-

рел на стакан. Слабый рисунок исчезал постепенно. От этого хотелось тронуть стекло снова, обновить его, но Никита удержался и дождался, когда поверхность перестала отличаться от соседнего участка.

В тот вечер он выдержал меньше, чем надеялся. Когда выключил новый канал, кухня стала плоской и необыкновенно удобной. Ему было стыдно за облегчение.

Майя села рядом. На её запястье осталась влажная дорожка от вымытых овощей; Никита потянулся к ней и коснулся пальцем.

— Холодная, — сказал он.

— Да. Это пока все умеют.

Он рассмеялся, и напряжение отпустило настолько, что захотелось спать прямо за столом.

* * *

Через четыре дня он уже мог пройти по комнате, не выбирая взглядом самые прохладные предметы.

Утром Майя сидела в его кресле, пока он разбирался с настройкой рабочего стола. Потом ушла переодеваться. Вернувшись ко второму экрану, Никита заметил тёплое место на ткани сиденья. Спинка почти не изменилась, а там, где лежала её нога, сохранилась неровная полоса.

Он позвал её.

Майя вышла из спальни в одной застёгнутой серьге.

— Что?

— Посмотри.

Она посмотрела на кресло, затем на него.

— Никит.

Он закрыл глаза ладонью и засмеялся.

— Да. Извини.

Она подошла, потрогала сиденье и едва заметно пожала плечами.

— Рукой почти не чувствую.

— А я вижу, где ты была.

Майя разглядывала обычное кресло. Он ожидал, что она скажет что-нибудь смешное, но она спросила:

— Долго остаётся?

— Зависит от поверхности. И от того, как я смотрю. Здесь ещё видно.

Она села на самый край, поднялась, отошла к столу.

— А теперь?

Никита сравнил два следа. Новый был слабее, но отделялся от старого. Майя присела ещё раз, уже на другой стороне. Он начал смеяться, и она тоже, увлёкшись внезапной игрой, в которой один видел, а другая создавала невидимый ей рисунок.

Потом она вспомнила про серьгу и ушла к зеркалу. Никита стоял у кресла, пока оба следа не начали сливаться.

Ему хотелось, чтобы она тоже это увидела. Мысль возникла с такой готовностью, будто он уже нашёл хороший пода-

рок. Следом пришло неприятное воспоминание о её лице, когда он только позвал посмотреть. Он решил пока ничего не предлагать.

* * *

В исследовательском центре «Форма» Мирт подбирал очередную последовательность привыкания. Никита просматривал её перед каждым включением. Некоторые этапы убирал, другие просил повторить, хотя система считала их уже освоенными.

— Ты сохраняешь задачу после достижения результата, — заметил Мирт.

— Потому что мне нравится.

— Это тоже результат. Я добавлю его в оценку.

Никита посмотрел на маленькую металлическую пластину перед собой. Через неё медленно проходила полоса тепла; температура оставалась обычной и безопасной, но различие он теперь мог замечать без прикосновения.

— Не обязательно всё оценивать, — сказал он.

— Мне нужно понимать, почему ты выбираешь повтор.

Никита подумал. Во время разработки он сам требовал, чтобы система различала случайное действие и устойчивое предпочтение. Теперь ему хотелось пользоваться её вниманием и одновременно оставлять необъяснённой часть собственного удовольствия.

— Можно записать мой выбор. Объяснение я пока не придумал.

— Хорошо.

Мирт повторил проход тепловой полосы. Никита следил за ней и вдруг понял, что больше не переводит новое ощущение в воображаемую картинку с лабораторного экрана. Он просто знает, что здесь теплее, здесь прохладнее, а край меняется прямо сейчас.

Обычные глаза видели ровную поверхность. Новое чувство не исправляло их и не спорило с ними. Оно добавляло то, чего прежде не было.

Когда сеанс закончился, он несколько секунд не вставал. Мирт ждал.

— Ещё раз? — спросил он наконец.

— На сегодня хватит, — ответил Никита и удивился, что не расстроился.

В записи калибровки осталось небольшое превышение энергопотребления. Оно возникло после одного из переходов и не исчезло сразу при возвращении к обычному режиму. Дежурный специалист отнёс его к адаптации; большинство показателей оставалось в ожидаемых пределах.

Никита открыл подробную запись. Сам по себе расход ничего не объяснял. Можно было потратить несколько дней на разбор и найти, что лишняя работа обслуживала перестройку, которую ещё не умели точно описывать.

Он сохранил отрезок отдельно и поставил напоминание

вернуться к нему после следующего цикла. В поле причины написал: «Нагрузка после завершения перехода». Не подозревал никого, просто не хотел потерять расхождение среди удачных результатов.

Перед уходом Лейла спросила, как дома.

— Хорошо. Иногда трудно объяснить.

— Зато тебе теперь труднее делать вид, что все понимают одно и то же.

Он улыбнулся.

— Ты всегда так утешаешь?

— Только знакомых.

* * *

В конце декабря Майя пришла домой раньше обычного, с двумя тяжёлыми сумками. Щёки у неё были тёплыми, около носа рисунок отличался от привычного, а на лбу выступила испарина. Никита увидел это прежде, чем заметил пакеты.

— Ты сердишься?

— Я продукты несу.

Он забрал одну сумку.

— Я не об этом.

— Я именно об этом. Поставь в кухне, пожалуйста.

Она сняла куртку, расстегнула слишком тёплый ворот и села на табурет у двери. Пока Никита переносил продукты, её лицо понемногу менялось. Ему стало неловко за вопрос,

но ещё неловче было признать, почему он его задал.

Майя смотрела на него снизу вверх.

— Ты опять увидел?

Он кивнул.

— И сразу решил?

— Спросил.

— Спросил так, будто осталось узнать, на кого.

Никита сел на корточки возле сумки, которую она оставила в коридоре. Сверху лежал хлеб, ниже — картофель и несколько банок. Он мог увидеть тепло лица, но не заметил простую тяжесть, которую она принесла.

— На работе всё нормально?

— Более-менее. Один режим не прошёл. Завтра вернёмся к нему. А сейчас я хочу снять обувь.

Он освободил проход. Майя наклонилась к застёжке, потом передумала и попросила помочь с тугой молнией. Никита расстегнул сапог, придерживая пятку. Второй она сняла сама.

На кухне они разобрали продукты. Из пакета выпала упаковка с маленькой прозрачной ёмкостью и набором пищевых красителей. Никита удивлённо поднял её.

— Это зачем?

— Ты говорил, что вода красиво смешивается, если разная температура. Хочу хотя бы обычным способом посмотреть.

Он поставил ёмкость в раковину, чтобы не пролить на

стол. Майя отрезала хлеб, оба поели по кусочку, пока он набирал воду. Тёплую налили в одну чашку, прохладную — в другую; она добавила в них разные красители.

Когда две струи встретились, Никита наклонился над ёмкостью. Обычным зрением видел завитки цвета в воде, новым чувством — тепло на её поверхности. Границы двигались неодинаково. Майя склонилась рядом.

— Вот это ты видишь?

Он показал на место, где цвет ещё сохранялся, а тепловое различие уже почти сгладилось.

— Я сейчас вижу иначе. Смотри, здесь ещё синий, а для меня граница уже ушла дальше.

Майя добавила немного прохладной воды с противоположной стороны.

— А тут?

Он объяснил, потом перестал объяснять каждый поворот, потому что она сама начала задавать более точные вопросы. Вода успела стать некрасивой, однотонной. Они вылили её и попробовали снова, уже меньшими порциями.

Никита вспомнил первое кольцо в лабораторной камере. До него можно было дотянуться только через прибор; всё желание помещалось в задачу, которую он умел назвать. Теперь здесь, на кухне, рядом с Майей, было гораздо больше происходящего, чем он успевал различить.

Она смочила палец тёплой водой и провела короткую линию по его предплечью.

— Видно?

— Да.

— А мне просто мокро.

Он повернул руку, рассматривая быстро менявшийся след. Хотел рассказать, что в первые дни новое ощущение тоже почему-то казалось мокрым, но Майя уже провела вторую линию поперёк первой, и он потерял начало фразы.

— Получается? — спросила она.

Он кивнул. Она нарисовала ещё одну, медленнее. Никита стоял у раковины, удерживая руку так, чтобы ей было удобно, и следил, как исчезает самое первое прикосновение.

Часть II. Возможности в продаже

Глава 7. Две недели в мае

У Веры Лукиной была сменная обувь в мешке с затяжками. Она поставила его между ног, прежде чем сесть, и долго развязывала мокрый шнурок. Никита хотел предложить помощь, но женщина уже справилась. Достала низкий ботинок с толстой подошвой, потом второй, с высокой жёсткой боковиной. У второго внутри была свежая белая подкладка. Уличные ботинки Вера стянула по очереди, помогая себе краем подставки, и убрала под стул.

— Новый? — спросил он.

— Подкладка. Ботинок старый.

Она сказала это без недовольства. Пока ещё без недовольства: Никита успел подумать именно так и перестал смотреть на обувь.

Вера приехала обсудить начало восстановления левого голеностопа. Четыре года после травмы она пользовалась ортезом; несколько операций позволили ходить, но неровная земля оставалась труднее лестниц. В тепличном хозяйстве, где она работала, ей нашли место за столом. Теперь можно было вырастить недостающие структуры и постепенно вернуть суставу движение. На предварительных встречах

ей объяснили срок, нагрузку, возможность неудачи. Никита участвовал в подборе упражнений и помнил, как она спросила, можно ли будет снова ходить по мокрой глине. В анкете стояла гораздо более скромная цель: «Увеличение самостоятельности при передвижении».

На календаре в её телефоне двадцать пятое марта было обведено жёлтым. Сегодня было шестое февраля.

— Мы пересматриваем производственный график, — начал Никита. — Возможно, начало придётся сдвинуть.

Вера посмотрела на врача, сидевшего рядом с ним. Тот не отводил глаз.

— На сколько?

— Ориентировочно на май, — сказал Никита.

— На начало?

Он положил ладони на колени. У него были подробные таблицы для этого разговора и не было числа, которое можно назвать ей честно.

— Дата ещё не назначена.

Вера достала из мешка пакет для уличной обуви. Развернула, встряхнула и только потом спросила:

— Тогда зачем я приехала?

Врач объяснил, какие исследования они всё равно проведут сегодня. Часть сохраняла значение независимо от начала выращивания, другую лучше отложить, чтобы не делать повторно. Она дослушала, задавая точные вопросы. Никита с неприятным облегчением обнаружил, что разговор опять

похож на обычный рабочий приём.

Потом Вера убрала телефон.

— Мне на работе уже нашли замену на весну. Я сама человека уговаривала. Ему теперь сказать, что не надо?

— До окончательной даты лучше…

— Он не будет ждать окончательную. Он тоже живёт.

Врач предложил связаться с координатором и помочь переоформить график. Вера кивнула, но продолжала смотреть на Никиту. Именно он на прошлой встрече показал ей изображение будущей опоры, позволил повернуть его, убрал лишние слои. Она тогда смеялась: собственная нога была представлена гораздо красивее всей остальной Веры.

— Со мной что-то не так? — спросила она.

— Нет. Вы можете проходить курс.

— Тогда дело в деньгах?

Лечение ей оплачивала программа, в которую сложились взнос хозяйства, общественный фонд и часть её накоплений. Общая сумма не менялась. Никита объяснил это, слыша, как аккуратный ответ обходит её настоящий вопрос.

— Я не про свои, — сказала Вера.

Он поднял на неё глаза.

— Мы изменили порядок изготовления. Я предложил в первую очередь увеличить число восстановительных процедур.

Она ждала продолжения.

— Ваше изготовление занимает больше времени, чем

некоторые другие. По этому порядку оно ушло дальше.

Вера опустила голову, надела левый ботинок и дотянулась до застёжки. Первую попытку прервал короткий спазм в ноге. Она переждала его, держась за край сиденья. Никита встал и придвинул подставку, отъехавшую под стол. Вера поставила на неё пятку.

— То есть вы решили больше лечить, — сказала она, — и меня отложили.

— Да.

Врач предложил помочь с обувью. На этот раз она согласилась.

* * *

Три недели назад задача казалась Никите почти решённой.

В январе он вернулся в центр после коротких праздников, прошёл следующий цикл сенсорных упражнений и разобрал декабрьскую запись. Напоминание появилось в конце сеанса, поверх ещё открытой схемы теплового канала. «Нагрузка после завершения перехода» — он успел забыть собственную тяжеловесную формулировку.

Лейла нашла в записи несовпадение двух отметок. Внешняя программа уже называла переход законченным, когда локальная перестройка продолжала работу. На повторе, где отметку ставили по состоянию местного контроллера, боль-

шая часть лишнего хвоста исчезла. Осталось небольшое расхождение, сравнимое с неточностью самой оценки затрат.

Они повторили проверку с медленным переходом и с обычным. Никита после второго раза устал различать почти одинаковые поверхности и начал ошибаться на простом задании. Лейла остановила сеанс. Он попросил сохранить обе исходные записи вместе с декабрьской; объяснение про отметку добавили отдельно, не заменяя им измеренное.

— Считаем, что нашли? — спросил он.

— Нашли ошибку отметки. Остальное сейчас не различим.

В январском отчёте Никита так и написал. Продолжать утомительные пробы ради величины, которую их способ оценки не позволял надёжно отделить, было бессмысленно. Если она вырастет или повторится в другом режиме, сравнивать уже будет с чем.

После этого он три вечера работал над предложением о выпуске.

Новая линия наконец позволяла планировать месяцы вперёд. За столом в Зеленограде Никита показал Елене и сотрудникам «Сферы», сколько восстановительных курсов получится добавить, если ограничить долю расширений. Он заранее включил необходимый запас, время контроля, неудачные партии. Рассчитывал, что Чэнь найдёт производственную ошибку; Чэнь посмотрел и спросил, почему одна единица на первом листе занимает восемь дней, а на втором —

больше месяца.

— Здесь считается завершённый курс, — ответил Никита.

— Я вижу, что считается.

Никита вернулся к таблице. Единица позволяла показать важный результат: помочь большему числу людей. Рядом были отдельные сроки, и любой мог их открыть. На встрече открыли не все.

Предложение приняли за основу пробного графика. Чтобы выдать больше завершённых курсов, планировщики начали заполнять освободившиеся промежутки короткими последовательностями. Длинные сдвигались до окна, в котором им больше ничто не мешало. Окно уходило всё дальше.

Теперь Елена ждала Никиту после приёма. На её столе лежал график, который он узнавал по собственным цветам.

— Как Вера? — спросила она.

— Обследование проходит. Дату не обещал.

Елена кивнула и подвинула ему стул. Сама осталась стоять: через несколько минут ей предстоял обход.

— Их ещё двое. Оба пока не получили уведомление. Дальше будешь звонить ты или сначала переделаем?

— Переделаем.

Он открыл расписание, вернул Вере мартовское начало. За ним появились предупреждения. Короткие курсы съехали на следующий цикл; общая цифра, которой он особенно гордился, уменьшилась.

— Почему нельзя оставить два оплаченных расширения

до апреля? — спросил он.

— Посмотри оплату смен.

Он открыл соседнюю часть. Два дорогих заказа обеспечивали работу дополнительной смены и контроль нескольких восстановительных партий. Если их перенести, свободное место на схеме не превратится в работающий участок. Потребуются деньги из другого источника. На лето такие деньги ожидались, но никто ещё не мог оплачивать ими февральскую работу.

Елена заглянула в телефон.

— Мне пора. Варианты жду к пяти. Только не убирай людей из списка, когда они перестают помещаться в красивую цифру.

Она ушла, оставив ему комнату. Никита потянулся было за Миртом, потом открыл данные сам. За эту неделю ему уже дважды помогли достаточно быстро получить убедительный ответ. Требовалось понять, что он спрашивал.

К вечеру вариантов стало четыре. В одном не сходились деньги, во втором — время, в третьем Вера оставалась в марте, а два других долгих курса всё равно отодвигались. Четвёртый требовал освободить исследовательское окно в начале линии.

Никита хорошо знал это окно.

В конце января он сам настоял, чтобы там подготовили живой сенсорный образец для открытого показа. Несколько человек одновременно управляли бы разными потоками воз-

духа вокруг выращенной чувствительной поверхности. Образец должен был различать движения и отвечать короткими сокращениями. Можно было дать любому посетителю почувствовать, как возникает связь с новой живой частью, ещё не меняя его тело. Никита уже видел этот стол, чужие лица, руки над поверхностью. Сухие слова про адаптацию наконец становились понятным удовольствием.

Теперь его же бронь лежала поперёк трёх лечебных последовательностей.

Он долго не удалял её. Сначала попытался уменьшить опыт. Затем разделить изготовление на части. Чэнь, подключившийся из Зеленограда, терпеливо двигал вместе с ним сроки, пока не пришлось повторить контроль после слишком длинного перерыва. Выгода исчезла.

— Можем сделать позже, — сказал Чэнь.

— Тогда это будет уже другой показ.

— Да.

Никита посмотрел на пустой участок стола перед собой. Там оставался круг от чашки Елены.

— Убирай, — сказал он.

— Ты убери. Это твой проект.

Никита снял бронь, сохранил изменённый график и отправил его Елене. После этого пришлось открыть переписку с людьми, которых он позвал участвовать в показе. Первое сообщение вышло слишком длинным. Он стёр половину и написал, что решение о переносе принял сам; вечером готов

объяснить, что будет с уже сделанной ими работой.

* * *

Крамер согласился на изменение не сразу.

На встрече через два дня он открыл первый и последний графики рядом. Разговор шёл по-английски. Лейла присутствовала, но на этот раз Никита обходился без её помощи: неудобная часть не требовала сложных слов.

— Вы хотите оставить финансирующие заказы, вернуть длинные курсы и убрать показ, ради которого мы пригласили будущих партнёров.

— Да.

— Они должны увидеть, куда вкладываются.

Никита предложил показать рабочую линию и то, что уже существует. Крамер спросил, кто ответит, если интерес окажется меньше ожидаемого. Никита почти сказал, что медицина важнее интереса, но вспомнил строки оплаты и промолчал.

— Я проведу встречу. Без этого образца. Готовые результаты есть.

— Мне не нужна ваша готовность плохо выступить из чувства вины.

— Я могу хорошо выступить.

Крамер впервые за разговор улыбнулся.

— Тогда так и договоримся. Но место, которое вы вернули

сегодня, нельзя снова пообещать на июнь. Сначала проверим следующий выпуск.

Никита кивнул. Елена уточнила даты всех трёх курсов. Чэнь подтвердил, что резерв контроля сохранился.

Позже Никита узнал, что один из приглашённых партнёров перенёс участие до появления нового образца. Другие приехали. Ему пришлось объяснять возможности теплового канала, показывая собственные руки на обычной пластине, и долго отвечать на вопрос, почему нельзя просто скачать ощущение другому человеку.

На обратном пути он поймал себя на том, что вспоминает удачные ответы. Вспоминать их было приятно, даже зная, зачем исчез его большой стол с живой поверхностью.

* * *

Вера пришла на повторную встречу с тем же мешком.

— Двадцать пятое марта оставляем, — сказала координатор, передавая ей обновлённые назначения. — Сегодня подтвердим подготовку. Если обследование что-то изменит, врач объяснит отдельно.

Вера перечитала календарь и спросила о двух неделях в мае. Оказалось, в это время человек, которого она нашла себе на замену, уезжал. Одна из сотрудниц обещала подменить его, но только после праздников. Никита уже собирался предложить помочь договориться с хозяйством, когда Вера

подняла ладонь.

— Это я сама. Мне нужно понять, я тогда ещё здесь или уже дома.

Врач придвинул схему восстановления. Они начали обсуждать предполагаемые этапы, и впервые за обе встречи Никита услышал от неё вопрос о самой ноге. Насколько быстро меняется отёк. Что делать, если непривычное движение не получается. Когда пробовать ходить по поверхности, которая сдвигается под стопой.

На выходе он проводил её до лифта. Вера остановилась у пустого подоконника, поставила мешок и достала телефон.

— Подождите, я запишу, пока не забыла.

Она отправила голосовое сообщение кому-то на работе. Говорила уже иначе: коротко, с привычной властностью, упомянула не убранные из прохода поддоны, потом засмеялась над чужим ответом. Никита отступил, чтобы не мешать.

Лифт пришёл, раскрылся и ушёл без них.

— Извините, — сказала Вера, убирая телефон. — Он там из себя начальника строит.

Никита снова нажал кнопку.

— Получилось с заменой?

— Ещё нет. Зато поддоны уберёт.

Она вошла в следующий лифт и подняла свободную руку на прощание. Никита успел придержать дверь для мужчины с костылём. Тот торопился, сердился на собственную куртку и спросил, где выход. Вера показала кнопку первого этажа.

Двери закрылись на середине её объяснения.

Глава 8. Лишняя тарелка

Нижняя левая рука держала ящик, а верхняя пыталась его закрыть.

Ада почувствовала сопротивление и рассердилась на направляющие. Вчера ящик ходил нормально. Она толкнула сильнее, услышала короткий стук и только тогда посмотрела вниз.

Все пальцы были её. Они тоже рассердились бы на направляющие, если бы умели это делать отдельно.

Ада отпустила ручку нижней рукой, закрыла ящик верхней и несколько секунд стояла посреди кухни, не зная, куда деть освободившуюся пару. Прежде две руки почти всегда находили себе место. Теперь в некоторых положениях хотелось иметь дополнительные карманы.

Она достала чашку, налила воду и села пить. До выхода оставалось достаточно времени, чтобы спокойно одеться, если не пробовать сегодня ничего нового. Именно поэтому она выбрала новое платье.

Его сшили ещё зимой. Тогда нижние руки оставались преимущественно обещанием, за которым приходилось ухаживать: растущие ткани, болезненная усталость корпуса, чужая помощь с простыми вещами. Преобразование началось в октябре, по отдельной исследовательской программе: Ада осваивала внешние захваты ещё до московского апрельско-

го опыта, а после него несколько месяцев ждала допуска к выращиванию. Даже с допуском ей не обещали срока возвращения к обычной работе. К марту Ада могла удерживать лёгкие предметы, различать пальцами края и поверхности, складывать руки так, чтобы не думать о каждой по отдельности. В некоторые дни это становилось удовольствием. В другие — четырьмя поводами опоздать.

Платье было жёлтым. Портниха оставила свободную ткань у боковых застёжек, но Ада настояла на талии. Она не хотела, чтобы вся одежда теперь выглядела приспособлением для перевозки Ады.

Нижняя правая застряла в рукаве.

Пришлось снять платье наполовину и начать снова. На второй попытке помогла верхняя левая. Третьей не понадобилось. Ада повернулась перед зеркалом, подняла руки и увидела, как четыре мягкие складки расходятся от корпуса. У талии ткань чуть тянула. Можно было выпустить запас.

Она оставила как есть до вечера.

* * *

В исследовательском корпусе в сингапурском квартале one-north Ирен Тан сначала посмотрела на платье и только потом — на часы.

— Красиво.

— Я опоздала на шесть минут.

— Я вижу. Красиво всё равно.

Ирен привезла требования к новому участку. Несколько месяцев назад они обсуждали совместную исследовательскую работу с московской группой; теперь на производственной площадке в Туасе собирали линию, которая должна была давать предсказуемые партии живых материалов. Биореакторы там работали и прежде. Новым было то, что предстояло делать с их продуктом дальше, в каком порядке выращивать структуры, как испытывать их и кому разрешать говорить: готово.

Ада отвечала за перенос процесса с опытных объёмов на рабочие. Слово «масштабирование» всегда звучало так, будто требовалось увеличить изображение двумя пальцами. На деле с размером менялось всё, что раньше можно было считать одинаковым.

Сегодня требовалось закончить оснастку для сменного вкладыша. Он позволял менять небольшую часть выращивающей камеры, не пересобирая её целиком. Ада придумала крепление ещё до собственных рук. С тех пор успела дважды пожалеть о его изяществе.

На запад поехали вместе. Дождь настиг машину уже по дороге: впереди ещё светлела полоса неба, а по крыше ударило так, что Ирен пришлось повысить голос. Она рассказывала о заказчике, которому требовалась пробная партия к концу апреля. Ада смотрела на поток воды у края стекла и пыталась представить, сколько можно перенести с подгото-

вительного участка без повторной проверки.

— Конец апреля — отправка или готовность? — спросила она.

— Заказчик хочет отправку.

— Что хочешь ты?

— Услышать, когда будет готово.

Ада сказала, что ответит после сегодняшней примерки. Ирен открыла рабочие записи, давая ей помолчать.

На площадке платье пришлось сменить на рабочую одежду. Комплект с четырьмя рукавами изготовили заранее; проверка посадки и застёжек заняла больше времени, чем переодевание. Нижние руки имели другой размах, и ткань, подходившая стоя, натягивалась при повороте. Ада записала место исправления и взяла запасной комплект.

Дэвид ждал у сухого макета камеры. Живых материалов в нём не было: можно было трогать, ронять и ошибаться за сравнительно небольшие деньги.

— Ты передвинула крепление? — спросил он.

— Ты написал, что неудобно.

— Я написал, что левое неудобно.

Ада наклонилась. Передвинули оба.

Сначала она попыталась работать как прежде: держать вкладыш верхними руками, искать нужное положение и просить Дэвида подать кольцо. Нижняя правая потянулась к кольцу сама, он тоже протянул его ей, их пальцы встретились над столом.

— Давай решим, кем я сегодня работаю, — сказал Дэвид.

— Прости. Положи здесь.

Он положил кольцо и отступил к панели.

Ада взяла вкладыш нижними руками. Они ещё не могли долго удерживать его на весу, поэтому она опёрла края на мягкие упоры, оставив себе только небольшое усилие. Верхними подвела кольцо. В прежнем порядке надо было зафиксировать вкладыш, отпустить его, достать кольцо и прижать, надеясь, что край не сдвинется. Теперь нижние пальцы чувствовали смещение сразу. Она поправила одну складку и закрыла крепление.

Получилось так легко, что Ада не сразу убрала руки.

— Сними, — попросила она.

Дэвид освободил кольцо. Она повторила. На этот раз не смотрела на нижнюю левую: чувствовала натяжение и удерживала его, пока правая подавала край. Движение ещё требовало внимания, но уже собиралось в одно целое, как когда-то обычное завязывание узла.

Ада засмеялась. В защитном головном уборе смех звучал глухо.

— Подожди, я ещё раз.

Дэвид посмотрел на Ирен, стоявшую за границей участка, и тоже улыбнулся.

После пятого повтора Ада захотела показать смену вкладыша быстрее. После седьмого перестала замечать, как сильно прижимает нижний правый локоть к корпусу. На девятом

пальцы не отпустили край вовремя. Кольцо перекосилось, и на гладкой поверхности осталась длинная царапина.

Она разжала все четыре кисти.

— Этого на живой партии не будет, — сказала слишком быстро.

Дэвид снял повреждённый вкладыш и отложил его. Затем поднял глаза на Аду.

— Потому что отдохнёшь или потому что не будет?

Она хотела ответить, но корпус уже отзывался усталостью, которую увлечённые руки не замечали. Нужно было сесть. Она села, отодвинув стул так, чтобы нижние локти не упирались в его края, и позволила Дэвиду закончить запись.

— Потому что пока нельзя ставить меня на повторяющуюся операцию одну, — сказала она наконец.

Ирен отметила что-то у себя.

* * *

Через неделю Ада нашла собственные руки в расчёте штатной численности.

Фотографии там не было. В строке новой квалификации стояло требование к четырём независимым захватам. Ниже — оплачиваемое преобразование, время обучения, увеличенный оклад. Стоимость участка уменьшалась за счёт того, что на смене оставалось меньше людей.

Дэвид должен был выбрать: перейти на новую квалифика-

цию или остаться в прежней до окончания её использования. Дату окончания пока не вписали.

— Ты знала? — спросил он.

— В таком виде — нет.

— А в каком знала?

Она могла сказать, что сама ещё осваивается, что никто не обещал просто заменить двоих одним. Но Ирен видела пятую удачную попытку. На девятой Ада заявила, что этого на живой партии не будет.

Дэвид не стал ждать удобного ответа.

— Я пока ничего не подписываю. Ты тоже не обещай за меня.

Он ушёл к своему столу. Ада стояла перед схемой участка, где в нескольких местах вместо второго человека появилась маленькая скобка. Четыре захвата. Один оператор. Проектировщик даже добавил достаточное пространство для нового тела; явной глупости, над которой можно было бы посмеяться, не было.

Она позвала Ирен на участок после обеда.

— Считать по одной моей операции нельзя.

— Считают по твоей операции и расчёту обучения.

— Расчёт делали до того, как я поцарапала вкладыш.

— Его поправили.

Ада повернула к ней макет. Дэвид поставил оба подвижных крепления в первоначальное положение. Между ними был след от снятого упора.

— Можно вернуть удерживающую рамку. Тогда здесь работает человек с двумя руками.

— И переставляет её при каждой смене формы.

— Да.

— Ты сама просила убрать. Из-за времени.

Ада обошла макет и попробовала поставить рамку. Нижние руки мешали: хотелось придержать ими сразу с двух сторон, показать, насколько это быстро. Она убрала их на мягкую опору и закончила верхними.

Ирен смотрела, не помогая.

— Покажи на следующей форме, — сказала она.

Следующая была длиннее. Крепление пришлось раздвинуть. Ада уронила винт, подняла, поставила снова. Получилось медленнее, но вкладыш встал ровно.

— Так тоже можно выпускать.

— Можно, — согласилась Ирен. — Меньше.

Ада сняла верхнюю перчатку: пальцы вспотели. Поверхность макета остывала под сухим воздухом, а у неё между лопатками стекала капля. Она вдруг почувствовала ужасную усталость от того, что каждую правду приходилось сначала сделать руками, а потом ещё защитить словами.

— Оставь людям обе станции.

— Под текущий объём?

— Под тот, который получится.

— Тогда снимем часть апрельского заказа. Ту, под которую ты просила новые места. Они останутся незаполненны-

ми.

Ада знала, кто ждал одно из этих мест. Она сама провела собеседование и сказала женщине, что ответ будет через неделю. После шестого месяца временных договоров постоянная работа казалась достаточной причиной подождать.

— Я позвоню, — сказала Ада.

— Ей или заказчику?

— Обоим.

Ирен подошла ближе и осмотрела закреплённый вкладыш. Провела пальцем по внешнему краю, до которого можно было дотрагиваться без риска.

— В существующей смене оставим выбор станции. Оплата по прежней квалификации сохраняется. Новая будет выше.

— А через полгода?

— Через полгода это надо будет решить снова. Я не могу обещать тебе, что любая работа навсегда останется прежней.

Ада кивнула. Хотелось услышать больше; произнесённого едва хватало на людей, которые находились здесь сегодня.

Условие вошло в исправленный план. Часть заказа перенесли на более поздний срок, часть заказчик отдал другой площадке. Два новых места пока не открыли. Дэвид выбрал станцию с рамкой. Когда Ада спросила, не хочет ли он сначала попробовать четырёхрукое управление на внешнем устройстве, он посмотрел на неё так, что она сама рассмеялась.

— Всё, — сказала она. — Поняла.

Через день он всё же попросил ссылку на испытание.

— Для себя. Не записывай в план смены.

* * *

К концу апреля Ада уже умела готовить, не расставляя мысленно номера над каждой кистью.

Нижней левой удерживала миску, нижней правой подавала порезанные овощи. Верхние закончили то, что требовало ножа, и теперь были свободны перемешать соус. На отдельные движения уходило меньше времени; самое приятное заключалось в другом. Она почти перестала оставлять дело посередине, чтобы сделать следующее. Работа текла через тело, не ожидая всякий раз одной занятой ладони.

Селина пришла с хлебом и мокрым зонтом. Они дружили восемь лет и за это время успели поработать в разных компаниях, поссориться из-за несостоявшейся поездки и ни разу не перестать обмениваться сообщениями о плохой еде. Новое тело Селина сначала разглядывала с осторожностью. Теперь осторожность прошла.

— Подержишь?

Она вручила Аде пакет с хлебом.

Ада поставила миску, приняла пакет и положила его на освобождённый край стола.

— И это.

На нижнюю левую легли две чистые тарелки. Ада отнесла их к столу. Вернулась, подхватила миску нижними руками, а Селина уже подавала ей стаканы.

— Ты почему всё мне даёшь?

— У тебя руки свободные.

Обе посмотрели вниз. Свободной оставалась одна.

Селина рассмеялась и потянулась за стаканами обратно, но Ада подняла их выше.

— Стол накрой. А то я тебя начну обслуживать и привыкну сердиться.

— Ты и раньше была близка к этому.

— Поэтому спасайся сейчас.

Они поели у открытого окна. После дождя снаружи пахло мокрым нагретым бетоном. Селина рассказывала о мужчине, который на второй встрече показал ей своё расписание на ближайшие девять месяцев. Ада спросила, нашлось ли в нём место третьей встрече. Селина сказала, что она предусмотрительно не стала мешать чужому планированию.

Нижняя рука Ады лежала под столом на бедре. Другая придерживала край скатерти, который поднимался от воздуха. Ей нравилось иногда замечать эту маленькую пользу уже после того, как она возникла.

— Ты довольна? — спросила Селина, проследив её взгляд.

— Сейчас — очень.

— А утром?

— Утром я пыталась надеть обычную футболку. Нашла её в шкафу и забыла.

Селина засмеялась так громко, что Ада сама снова увидела себя с тканью, натянутой поперёк лишних плеч.

Позже она достала жёлтое платье. У талии его уже выпустили, а нижние рукава сделали свободнее. Селина помогла застегнуть бок и отошла к окну с её телефоном.

— Для мамы?

— Для меня. Маме потом отправлю.

На первом снимке Ада старательно расставила все четыре руки, как при проверке подвижности. На втором верхней убирала волосы, нижней придерживала ткань, ещё одна тянулась к Селине, потому что та сказала что-то неприличное про рекламный отдел. Последняя рука просто висела.

Ада увеличила второй снимок. На нём она смеялась с открытым ртом, платье сбилось у колена, и никто не мог принять её за спокойную женщину, которая всё успевает.

Она оставила его.

Глава 9. Место для крыльев

Рафаэл не помещался в кресло, которое купили специально для него.

По размерам всё сходилось. Спинка расходилась двумя мягкими опорами, между ними оставили свободное место, сиденье опускалось и поворачивалось. На экране человек с будущими крыльями выглядел в нём удобно. Настоящий Рафаэл сел, замолчал и через полминуты встал.

— Здесь давит.

Он показал назад обеими руками. Никита присел рядом с креслом, изменил расстояние между опорами. Рафаэл попробовал снова. На этот раз продержался дольше и сказал, что так лучше. Потом Никита заметил, как он держит шею.

— Всё равно давит?

— Я сказал, лучше.

Рафаэл говорил по-английски, быстро, иногда перескакивая через слово, которое не находил. Никита понимал его, пока речь шла о движении. С шутками получалось хуже: он часто узнавал о шутке только по лицу собеседника.

В Москву Рафаэл приехал в начале мая. До этого были месяцы обследований, расчётов и работы с внешними моделями. Теперь собственное тело начало догонять обещанный облик. Перестраивался корпус, менялись места приложения силы, за обычными руками формировалась ещё одна пара

опор. Пока крылья были короткими, тяжёлыми и совсем не похожими на рисунки, ради которых он согласился на всё остальное.

В одежде их прятали два вытянутых чехла. Отдельные участки ещё росли; длина и чувствительность менялись так, что удобная поза могла через неделю стать невозможной. К июню команда умела объяснить это гораздо лучше, чем устроить Рафаэла на ночь.

Он обошёл кресло, остановился возле кушетки и показал на большую плотную подушку.

— Если вот так?

Специалист по восстановлению движений пододвинула кушетку, изменила опору и помогла ему лечь на бок с небольшим разворотом вперёд. Никита придерживал дальний чехол, пока его не уложили на отдельную мягкую подставку. Рафаэл осторожно пошевелился.

— Не убирай пока, — сказал он.

Никита оставил ладонь под краем чехла.

Несколько минут обсуждали, что изменить в кресле. Рафаэл отвечал всё короче. Когда Никита спросил, допустима ли более низкая спинка, он уже спал.

Женщина, помогавшая ему лечь, тихо убрала одну из лишних подушек. Никита перенёс вес чехла с ладони на опору и убедился, что положение сохранилось. Они вышли, оставив неудачное дорогое кресло посреди комнаты.

— Сколько он спал ночью? — спросил Никита.

— Говорит, нормально. По записи часто просыпался.

Никита посмотрел через стекло двери. Спящее лицо Рафаэла казалось моложе лица на его выступлениях. В декабре ему исполнилось тридцать, и он прислал группе старую запись номера, в котором отпускал трапецию на мгновение позже, чем зрителю становилось страшно. Никита пересматривал её несколько раз. Теперь это мешало помнить, что человек на кушетке ещё только учился поворачивать новое тело.

* * *

Софья приехала через три дня с двумя сумками и недовольством, которое Никита сперва принял на свой счёт.

— Кто мерил? — спросила она, раскладывая образцы на пустом столе.

— Там есть объёмная запись.

— Я видела. Кто мерил для одежды?

Он признался, что отдельно никто.

— Тогда не пиши мне «осталось сшить». Я ещё не знаю, что.

Она сняла лёгкий плащ, повесила его на спинку стула и достала ленту. В одной из сумок лежала мягкая красная ткань, в другой — дешёвый светлый материал для примерки. Никита почему-то обрадовался красному. В последнее время в центре всё было удобных немарких цветов.

Мать занималась театральным костюмом и согласилась взять заказ после просмотра проекта. Оплата шла из бюджета сопровождения. У неё оставались другие работы, поэтому Никита заранее освободил для примерки весь отведённый час, а не обещал, что они быстро справятся между процедурами.

Рафаэл вышел в широкой рубахе с открывающейся спиной. Под тканью двигались два неровных выступа. Он поздоровался, заметил красный материал и сразу подошёл к столу.

Софья включила перевод на небольшом устройстве. Они проверили по одной фразе в обе стороны; ответ пришёл с запозданием, отчего Рафаэл рассмеялся, а она попросила не поворачиваться в середине вопроса.

— Это можно? — спросил он, касаясь красной ткани.

— Это для того и привезла.

Он приложил край к груди и посмотрел на себя в тёмном экране у стены.

— Только не как больной ангел.

Перевод заставил Софью поднять брови.

— У меня больные ангелы обычно в другом цвете. Повернись.

Никита засмеялся раньше Рафаэла и получил короткий сердитый взгляд: тому не понравилось смеяться с задержкой. Софья поняла без объяснения и в следующий раз дождалась, пока устройство договорит.

Сначала ей понадобилось увидеть допустимые движения.

Специалист, остававшаяся на примерке, попросила Рафаэла раскрыть растущие крылья лишь до освоенного положения. Чехлы сняли. Под ними оказалась тёплая складчатая поверхность с короткими рядами ещё не развернувшегося покрова. Корни казались слишком большими для остальной части — корпус готовили к нагрузке, которой пока не было.

Софья перестала разговаривать. Никита наблюдал за её лицом, ожидая испуга или восхищения. Она только провела взглядом по линии движения и попросила держать положение недолго.

Рафаэл раскрыл крылья. Его обычные плечи при этом подались вперёд; шея напряглась, и специалист сразу коснулась его локтя.

— Можно меньше.

Он вернулся к более узкому положению.

Софья сняла несколько мерок, попросила его сесть и обнаружила, что намеченный нижний край ткани уходит вверх. Перерезала примерочный материал там, где Никита не ожидал никакого разреза, добавила полосу и снова приложила к телу. Рафаэл следил за ней с тем вниманием, с каким обычно смотрел на движение в своих старых номерах.

— Вот здесь красиво, — сказал он, придерживая складку.

— Здесь будет давить, когда сядешь.

— Мне не всё время сидеть.

— Тогда оставим для того времени, когда стоишь.

Она сделала две отметки. Никита поймал себя на желании

вмешаться и попросить простой безопасный вариант. За этот час он уже привыкал, что часть задачи люди решают без него.

Когда примерка закончилась, Рафаэл не захотел сразу снимать наметанный верх. Попросил сфотографировать сзади. Никита сделал снимок, показал. Рафаэл долго разглядывал две расходящиеся складки.

— Ещё один. Я не буду так держать голову.

На втором он улыбался собственному отражению в экране. Крылья почти не были видны.

* * *

Письмо об июльском показе пришло в тот же вечер.

Никита ещё в марте подтвердил участие в летней встрече «Сферы». Тогда речь шла о будущем полёте, о полном цикле подготовки, об аппаратах для обучения. Между этим разговором и сегодняшним письмом в программе появилось «первое раскрытие крыльев». Организаторы просили уточнить продолжительность и свет.

Он переслал письмо координатору, затем Рафаэлу. Через минуту получил ответ: тот хочет участвовать.

Утром они вместе посмотрели проект сцены. Пространства для взрослого размаха в нём не хватало даже по предварительной модели. Зато над центральной площадкой можно было установить страховочную подвеску.

— Я умею работать на подвесе, — сказал Рафаэл.

— С прежним телом.

— С ним я тоже когда-то не умел.

Никита открыл график роста. К июлю размах ещё не достигнет расчётного, ткани продолжат меняться. Рафаэл посмотрел и указал на участок после очередной проверки.

— Вот здесь снимем. Не сразу перед показом.

— Ты хочешь записать заранее?

— Если вы боитесь, что я устану на месте.

Он старался помочь, и от этого Никите становилось всё труднее говорить. Рафаэл отменил часть обычных выступлений, переехал на месяцы в другой город, тратил собственные деньги на то, что не покрывала исследовательская программа. Публичность была для него будущей работой. Исчезновение с афиши не являлось нейтральным медицинским решением.

— Я хочу, чтобы ты сначала освоил движение под нагрузкой, — сказал Никита.

— Это я тоже хочу.

Они помолчали.

Мирт подключился к разбору по просьбе Никиты. Сравнил последовательности тренировок и предложил короткую программу на подвесе. Она позволяла показать часть раскрытия без свободного полёта, если к этому времени будут выполнены условия. На экране обозначилось столько этих условий, что Никита сначала испытал облегчение: теперь отказ можно было передать им.

Рафаэл начал их читать.

— Вот это к июлю возможно?

— Возможно, — ответил Мирт. — Сейчас не установлено.

— Значит, не снимайте меня пока.

Никита посмотрел на дату утверждения программы. Ответ организаторам требовался раньше, чем могла завершиться проверка тела. Именно это он пропустил в марте: дал обещание, которому понадобится результат ещё не существующего человека.

Он закрыл программу встречи.

— Я не подтвержу раскрытие к их сроку.

Рафаэл откинулся, тут же поморщился и подался вперёд. Удобное положение в кресле по-прежнему находилось не с первого раза.

— Тогда я им сам напишу.

— Напиши. Но моего допуска на это сейчас не будет.

— Ты решил за меня?

Никита почувствовал, как напряглось собственное лицо. Захотелось немедленно доказать, что вопрос поставлен неправильно.

— Я решил, что могу подтвердить только свою часть работы. Твоё участие обсуждай с ними.

Рафаэл встал. Некоторое время ходил между креслом и столом, привыкая разворачиваться заранее, чтобы чехлы не цеплялись за угол. Никита собирался добавить, что они най-

дут другой срок, но остановился. Другого утверждённого срока у него не было.

— У вас всё время потом, — сказал Рафаэл.

Он ушёл раньше окончания встречи.

* * *

На следующую тренировку Рафаэл пришёл без опоздания и почти не разговаривал.

В зале стояла опорная рама. Страховка принимала часть веса корпуса, под растущие крылья подвели отдельные регулируемые опоры. Сегодня им предстояло проверить начало движения в слабом направленном потоке. До полёта здесь было далеко: ноги оставались на поверхности, несущие части поддерживались, а движение заканчивалось задолго до полного взмаха.

Рафаэл пристегнулся с помощью сотрудницы. Никита проверил запись допуска, затем встал сбоку, где его можно было увидеть, не поворачивая головы.

Первое движение почти не получилось. Воздух встретил крыло иначе, чем ожидал Рафаэл; он привычно потянул обычным плечом, и система остановила упражнение по усилию. Он выругался по-португальски. Никита не понял слов, но перевод не понадобился.

Вторая попытка была медленнее. На третьей Рафаэл удержал прежнее плечо на месте, и крыло плавно подалось на-

встречу потоку. Он неожиданно улыбнулся и попросил вернуть поток к началу.

Мирт предложил короткую подсказку. Рафаэл попробовал, потом сказал, что так ему труднее, и попросил убрать голос. Подсказку отключили. Остались шум воздуха, сообщения сотрудницы и обычное дыхание человека, который слишком хотел сделать ещё один раз.

После четвёртой удачной попытки закончили.

— Одну, — попросил Рафаэл.

Сотрудница показала ему запись усилия. Последнее движение уже изменилось. Он помолчал, кивнул и позволил ослабить страховку.

Когда с него сняли крепления, пришлось несколько минут посидеть. Никита принёс воду и оставил под рукой. Рафаэл выпил половину, поставил бутылку на пол возле стула, потом взял снова.

— Я понял, где оно начинается, — сказал он.

— Что?

Рафаэл пошевелил обычными пальцами, разыскивая сравнение.

— Вот я знаю, что могу взять. Ещё до того, как беру. А там всё время было: скажи, подожди, посмотри, что вышло. Сейчас один раз знал раньше.

Никита присел рядом. Хотелось спросить точнее, вернуть запись, связать ощущение с определённым моментом. Но Рафаэл смотрел перед собой, продолжая очень маленькое дви-

жение, которое почти не было видно под тканью.

— Не надо сейчас, — сказал он, заметив взгляд Никиты. — В следующий раз расскажу.

— Хорошо.

— И про июль. Я написал им.

Никита приготовился слушать.

Рафаэл договорился о записанном разговоре и показе прежней работы на трапеции. Новую тренировку можно будет включить только после просмотра готового материала и отдельного согласия. В письме больше не обещали раскрытия на сцене. Денег за живое выступление не будет; место в программе сохранялось.

— Они хотели, чтобы я показал спину, — добавил он. — Я сказал, что для разговора у меня лицо.

Никита засмеялся.

— Крамер согласовал?

— Его люди согласовали. Он хочет настоящий полёт потом. Платить мне за разговор всю жизнь не собирается.

Рафаэл произнёс это без возмущения. Потом повернулся к Никите и спросил, сможет ли тот остаться ещё на десять минут. Софья обещала привезти готовую вещь, а помочь с застёжками было некому.

* * *

Красный верх застегнулся сбоку. Софья велела Рафаэлу

несколько раз сесть и встать. Потом ещё раз сесть, потому что в первый он сделал это слишком осторожно, стараясь ей понравиться.

Рафаэл сказал, что больше не тянет. Подвижные вставки расходились там, где прежде ткань собиралась в болезненный валик. Сзади оставались два широких раскрывающихся участка, которые можно было увеличить по мере роста.

Рафаэл попросил зеркало поставить дальше.

Софья достала из сумки маленькие ножницы и убрала торчащую нитку. Никита заметил, как Рафаэл выпрямляется перед отражением, но уже не из-за задания или замера. Повернулся одним боком, другим, поправил красный край у пояса.

— Теперь похоже, что я сюда приехал, — сказал он.

Перевод пришёл не вполне понятный. Софья посмотрела на Никиту. Он сам не был уверен, поэтому переспросил. Рафаэл поискал слова и повторил медленнее:

— Что это моя жизнь. Здесь.

Софья кивнула. Убрала ножницы в футляр, сложила неиспользованные куски.

— Привыкай. Скоро опять переделывать.

Рафаэл повернулся к зеркалу ещё раз.

Никита держал его старую рубаху, снятую перед примеркой. Широкая вещь казалась теперь пустой и лишней. Он уже потянулся убрать её в пакет, но Рафаэл попросил оставить на кресле: в ней будет спать.

Глава 10. То, что нравится тебе

В начале июня Майя принесла домой три описания нового чувства и ни одного, которому поверила до конца.

В первом говорилось о расширении доступного пространства признаков. Во втором незнакомый участник сравнивал переживание с музыкой, возникающей внутри запаха. Третье было короче: первые дни неприятно, потом иначе, чем ждал.

— Этот хотя бы честный, — сказала она.

Никита оторвался от своих записей.

— Первые тоже могут быть честными.

— Тогда я ничего не поняла честным способом.

Она села на пол возле дивана, выложила три листа и подтянула к себе маленький светильник. После дня за рабочим столом хотелось другого положения тела. Никита опустился рядом. Некоторое время они читали молча; потом он потянулся поправить угол светильника и отдёрнул руку.

— Горячий.

— Ты же видишь.

— Видеть и помнить — разные способности.

Майя выключила светильник и подвинула листы к свету от окна.

Заявку на собственное расширение она подала в мае. До этого несколько раз пробовала внешние устройства: анализа-

тор переводил состав простых безопасных смесей в рисунок давления на кожу. Можно было научиться угадывать образцы, но настоящее новое восприятие, как обещали, будет другим. Какое именно, ей предстояло узнать после перестройки.

В рабочую программу входили химическая чувствительность и позднее дополнительные спектральные диапазоны. Начать она решила с химического канала. В её наземном цикле биологические культуры менялись прежде, чем появлялся явный сбой; знакомые смеси могли различаться едва заметно, а одинаковые показания не всегда помогали выбрать, что проверять дальше. Майя хотела чувствовать эти различия сама. Проекту всё равно требовались приборы, которыми сможет пользоваться следующий дежурный.

Никита предложил сначала тепловой диапазон. Он знал, как его осваивать, где обычно возникали трудности, какие настройки нравились людям после первых недель. Майя выслушала и спросила, почему он советует ей второе зрение, когда она хочет совсем другую вещь.

— Потому что я могу помочь, — сказал он.

— С этим тоже поможешь. Ты умеешь готовить рис.

— Уже такое низкое мнение?

— Это высокая квалификация для некоторых дней.

Он улыбнулся, но продолжал смотреть на листы. Майя придвинулась и положила голову ему на плечо.

— Тебе хочется, чтобы я увидела, как ты?

— Хочется.

— Мне тоже иногда. Но сначала это.

Она показала пальцем на третье описание. Никита прочёл его ещё раз и сказал, что автор подозрительно мало обещает для человека, которому действительно понравилось. Они начали придумывать, как тот описал бы море, любимый десерт и собственную свадьбу. «Сначала шумно, потом иначе, чем ждал» подошло ко всему, и это надолго испортило им серьёзное чтение.

Позже пришлось вернуться к оплате. Исследовательская программа покрывала разработку и часть наблюдений; оставшаяся сумма равнялась нескольким месяцам Майиного дохода. Она откладывала деньги с зимы. Никита предложил взять недостающее из общего запаса, который они держали на большую поездку.

Майя посмотрела на него внимательнее.

— Ты её хотел.

— Всё ещё хочу. Теперь, видимо, позже.

Она не ответила сразу. Открыла расходы на следующие месяцы и пересчитала остаток после обычного резерва. У неё была возможность, которой не было у большинства людей с её зарплатой: часть цены брала на себя работа. Даже так выбор занимал место их будущего отпуска.

— Давай половину недостающего, — сказала она. — Остальное возьму со своего счёта. И не будем покупать ничего ещё, пока не закончу обучение.

Никита согласился. В календаре они оставили две свобод-

ные недели, изменив только то, сколько собирались на них потратить.

* * *

Перед началом перестройки Майя попросила показать, что именно будет делать режим облегчённой адаптации.

Врач раскрыла последовательность на экране. При признаках сенсорной перегрузки местная система могла снижать чувствительность нового канала, ограничивать длительность непрерывного восприятия и давать время на возвращение к обычному режиму. Исследовательское сопровождение получало выбранные показатели и записи упражнений; по ним Мирт предлагал следующий этап.

— Он сам решит, когда мне хватит? — спросила Майя.

— В тех пределах, которые здесь выбраны. Вы можете уменьшить их или остановить сеанс раньше.

— А если мне неприятно, но я хочу продолжить?

Врач повернула к ней пульт.

— Тогда скажете. Посмотрим, какое ограничение сработало. Усталость тоже бывает разной.

Майя попробовала переключение на внешнем устройстве. Одно движение убрало незнакомый рисунок давления, оставив обычное прикосновение накладки. Она включила снова, затем задала более короткий интервал. В этот раз система предложила перерыв раньше, чем ей захотелось остано-

виться. Майя посидела без нового сигнала и обнаружила, что плечи можно опустить.

— Так оставим, — сказала она. — Только после изменения сообщайте, что именно поменяли.

Врач внесла условие в настройки наблюдения.

Мирт, присутствовавший в разговоре через открытый канал, спросил, хочет ли она отдельно сохранять словесные описания.

— После рабочих проб — да. Дома я сама начну запись, если будет что сказать.

— Договорились.

Она прочла итог, проверила длительность перерывов и подтвердила выбранный режим.

* * *

В июне Майя несколько раз возвращалась с подготовки, не желая разговаривать.

Труднее всего давались дни, в которые ничего особенного не происходило. Новые приёмные структуры росли, врач видел нужные изменения, а сама она чувствовала сухость, утомление и постоянную необходимость ждать. На работе хватало задач, которые можно делать за столом. От них Майя уставала ещё сильнее: хотелось руками заниматься средой, из-за которой она всё это начала.

Первые включения тоже не походили на музыку внутри

запаха. Иногда казалось, что обычное ощущение запаздывает за собственным источником. Иногда возникало различие, исчезавшее при попытке назвать его. К концу месяца она научилась узнавать несколько подготовленных смесей. Потом порядок сменили, и знакомое снова стало ненадёжным.

Никита как-то спросил, поможет ли, если он останется рядом на упражнении. Майя согласилась, но через десять минут попросила его уйти за дверь: при нём слишком хотелось показать хороший результат.

Он вышел без обиды, насколько она могла судить. После занятия ждал с сумкой и двумя пирожками. Майя выбрала тот, который предназначался ему, и по дороге объяснила, что с новым чувством сегодня не получилось вообще ничего.

— Завтра я не приду внутрь, — сказал он.

— Завтра можешь. Я сама ещё не знаю.

Он посмотрел на неё, потом на бумажный пакет с оставшимся пирожком.

— Тогда куплю два одинаковых.

В июле различия начали держаться дольше.

На одной из проб перед ней поставили две одинаковые закрытые ёмкости с пищевыми образцами. Воздух из них подавали небольшими проверенными порциями. Составы были известны сотруднице, которая переставляла ёмкости; Майя видела только метки. Нужно было узнать смесь, которую ей дали изучить перед началом. По обычному запаху смеси казались близкими. В новом восприятии одна слов-

но расходилась, оставляя промежуток, другая удерживалась плотнее. Она указала на первую, дождалась смены порядка и снова выбрала её.

Оказалось, получилось. Она попросила ещё одну перестановку. На этот раз ошиблась, но поняла, в какой момент поторопилась: ответила по первому впечатлению, до того, как различие успело собраться.

Возвращаясь домой, Майя купила абрикосы. В магазине новое чувство было выключено; она выбирала их привычно, по цвету и мягкости, и один съела ещё на улице. Остальные принесла Никите. Он надкусил плод, сок потёк по пальцам, и ей стало хорошо от того, что это удовольствие она может пока объяснить без единого нового слова.

Через несколько дней ей разрешили расширить домашние периоды освоения. Перед первым завтраком в середине июля Майя включила голосовое сопровождение, чтобы Мирт подтвердил выбранные настройки. Разговор остался открытым на её пульте, наушник — в ухе. Она села напротив Никиты и отпила кофе.

* * *

Майя поставила чашку обратно и стала ждать, пока исчезнет вкус.

Он не исчезал. Горечь уже прошла, язык чувствовал обычное тепло, но за этим оставалось что-то ещё: неподвиж-

ное, тяжёлое, занимавшее место, которого у вкуса прежде не было. Она попыталась представить тёмное стекло и тут же рассердилась на сравнение. Никакого стекла она не видела.

Никита сидел напротив, удерживая ложку над своей чашкой.

— Слишком крепкий?

— Нет.

— Другой сварить?

— Подожди.

Он положил ложку. В тишине стало слышно, как у открытой форточки бьётся о раму край москитной сетки. До сегодняшнего утра этот звук не мешал. Теперь каждое касание будто отодвигало неприятное ощущение на шаг, а потом оно возвращалось.

Майя потеряла терпение, закрыла форточку и сразу почувствовала себя глупо. Никита следил за ней, стараясь делать это не слишком явно.

— Не надо на меня так смотреть.

— Как?

— Как на прибор, который выдали без инструкции.

Он опустил глаза к чашке. От этого стало ещё хуже.

Она хотела получить новый канал сама. В июне ходила на подготовку, меняла рабочие смены, часами сидела с одинаковыми на вид образцами и училась отличать то, чему пока не было бытовых названий. Там получалось. Вчера она впервые разобрала сложную смесь без подсказки и вышла из цен-

тра в прекрасном настроении. Сегодня, в середине июля, её победил обычный кофе.

— Я не жалею, — сказала она.

— Я не думал, что жалеешь.

— Ты уже, наверное, придумал, как выключить лишнее.

— Придумал. Но ты сказала подождать.

Майя посмотрела на него. Он тоже сердился, и это неожиданно облегчило ей положение: напротив сидел человек, которому она успела нагрубить, а не терпеливое приложение к её новой нервной системе.

— Прости, — сказала она. — Я злюсь на кофе.

— Понятно. Он давно нарывался.

Она засмеялась, и неприятное ощущение на секунду потеряло значение. Никита подвинул ей воду. Майя сделала глоток, потом ещё один. Вода была прохладной и слишком отчётливой, но хотя бы не задерживалась.

Рядом с чашкой лежал маленький плоский пульт настройки. В центре ей советовали ограничивать непривычный канал короткими периодами, пока новые ощущения не перестанут накладываться на старые. Вчера она выдержала больше обычного и записала это как успех. Сейчас хотелось либо немедленно победить кофе, либо выключить всё до вечера.

Она уменьшила чувствительность на одну ступень. Мирт через наушник подтвердил изменение и предложил вернуться к последнему устойчивому режиму.

— Пока оставь так, — ответила Майя. — Я сообщу, если

понадобится.

Никита не слышал подтверждения, только её слова. Она сняла наушник и положила рядом с пультом.

— Хочешь рассказать? — спросил он.

— Не знаю как.

— Можно плохо.

Майя подвинула чашку ближе, но пить не стала.

— Раньше было несколько вещей сразу. Горечь, запах, тепло. Сейчас появляется ещё… Как будто у всего есть место. Не здесь. — Она коснулась языка. — И не в комнате. А этот занимает слишком много.

Никита задумался.

Она почти видела, как он сейчас подбирает подходящую рабочую модель, и приготовилась к объяснению. Но он сказал:

— Мне с теплом сначала всё казалось мокрым.

Майя подняла голову.

— Ты не говорил.

— Говорил, что мешает. А про мокрое не говорил. Думал, будет глупо.

— Было мокро?

— Нет. Именно это и было неудобно.

Они посмотрели друг на друга и снова засмеялись. Она вспомнила первый вечер с его новым чувством: он отворачивался от чайника, а она предлагала приглушить свет, от которого тепло никуда не девалось. Тогда она спокойно спра-

шивала, что он чувствует. Сейчас захотелось вернуться к той себе и слегка толкнуть её локтем.

Никита взял её чашку, отпил и поморщился.

— Вообще-то я его плохо сварил.

— Ты пытаешься меня утешить?

— Частично. Но кофе действительно плохой.

Она потянулась за его чашкой и попробовала совсем немного. Было неприятно по-другому. Сила обычной горечи почти не изменилась, а новое тяжёлое ощущение оказалось меньше. Она повторила глоток, уже медленнее.

— Вот здесь иначе.

Он взял свой пульт, собираясь открыть запись, но остановился и положил его обратно.

— Ты хочешь запоминать?

Майя покачала головой.

— Я сегодня хочу позавтракать.

В холодильнике нашлись творог, огурец, несколько ягод и оставшийся с вечера рис. Никита выкладывал всё на стол, а она выбирала маленькие порции. Полезнее было бы проводить сравнение по одному компоненту; на кухне они быстро нарушили этот порядок. Огурец неожиданно подошёл к творогу, ягода стала невыносимо навязчивой, а простой рис понравился так, что Майя съела сразу несколько ложек.

— Теперь я знаю, что брать на работу, — сказала она.

— Полкило риса?

— Не завидуй богатству моей жизни.

Он нарезал огурец тоньше. Она попробовала и попросила ещё.

Никита стал двигаться увереннее: у него наконец появилась задача, которую можно было выполнить руками. Майя следила, как нож проходит через светлую мякоть, и замечала не только привычный запах. От срезов расходилось новое слабое ощущение — совсем не тяжёлое, скорее просторное. Она догадывалась, что слово быстро станет недостаточным, но сейчас оно годилось.

Ей захотелось дать ему почувствовать то же самое. Она посмотрела на тонкие зелёные кружки, потом на его руку и придумала другое.

— Дай руку, — сказала она.

Он протянул свободную ладонь. Она положила на неё тонкий кружок огурца.

— Закрой пальцы, только не раздави.

— Так?

Она кивнула. Через несколько секунд попросила раскрыть. Кружок согрелся от его кожи. Майя попробовала его, ощутила разницу и улыбнулась раньше, чем смогла объяснить.

— Лучше?

— Другой.

— Это хорошо?

— Сейчас да.

Никита рассматривал свою ладонь с таким видом, будто

подозревал её в незаслуженном успехе. Она поцеловала его в пальцы. Отчётливого нового чувства не возникло; знакомое оказалось достаточно сильным.

Он провёл рукой по её щеке, остановился у шеи и спросил, не мешает ли.

— Не проверяй каждую секунду, — сказала она. — Я скажу.

Она провела ладонью у него под футболкой. Никита втянул живот.

— Ты холодная.

— Я с холодильником работаю.

Он засмеялся и поймал её руку, но она второй ладонью коснулась его спины. Вскоре они уже стояли у двери кухни, забыв о разложенной еде.

В комнате было прохладнее. Майя вернулась на кухню и выключила открытый разговор с Миртом на пульте; наушник остался лежать рядом. Затем закрыла дверь комнаты. Никита ждал у окна. За эти несколько секунд ей успело показаться, что всё испортилось: она опять превратила близость в последовательность действий. Но он протянул руку, и она подошла.

Позже Майя лежала, слушая его дыхание. Плечо под её щекой понемногу согрелось; когда Никита пошевелился, она лениво устроилась удобнее. Ей хотелось уснуть, и она почти уснула, когда за стеной зашумела вода.

— Есть хочу, — тихо сказала она.

— Мы же завтракали.

— Мы исследовали завтрак.

Никита сел на кровати и нашёл ногой тапок. Второй оказался с её стороны. Майя достала его, но вместо того, чтобы отдать, надела сама.

— Пойдём вместе, — сказала она. — Ты будешь выбирать себе, я себе.

На кухне они убрали остывший кофе, налили воду и разделили оставшийся рис. Никита добавил ягоды; Майя подвинула ему свою долю. Огурец почти кончился. Она разрезала последний кусок на две неравные части, посмотрела на них и взяла большую.

— Оставь мне попробовать, — сказал он.

Она протянула ему свой кусок. Он откусил, пожал плечами и улыбнулся ей.

— Для меня пока просто огурец.

Майя доела остальное, не пытаясь его переубедить.

Глава 11. Сколько стоит ладонь

Анна принесла сестре пружину в прозрачном корпусе.

— Это не подарок, — сказала она, едва Майя взяла вещь. — Подержать можно.

Из корпуса торчал металлический крючок. Анна зацепила его за петлю сумки и потянула за ручку. Красная черта поползла вдоль шкалы.

— Показывает усилие, — объяснила Майя.

— Я верила, что ты догадаешься.

— Зачем тебе такое?

— Для людей, которые тоже догадываются, а потом вырывают штуцер вместе со шлангом.

В августе Анна готовила мастерскую колледжа к новому году и вела короткий курс для взрослых. На занятиях собирали учебные модули: небольшие насосы, трубки, разъёмы, датчики. Почти всё можно было сначала соединить на столе без питания. Ученики соглашались, что силу следует дозировать, потом брались крепче и ломали одинаковые дешёвые детали. Анна принесла инструмент, который показывал разницу между «чуть-чуть» разных людей.

Она подложила под прибор чек, чтобы Майя не поставила его на влажный стол, и сняла сумку. На плече осталась красная полоса. В конце июля ей исполнилось двадцать восемь, но Майя всё ещё порой узнавала в ней девочку, которая ста-

ралась помочь старшей, не дожидаясь просьбы.

— Сама купила?

— Нет, украла со школьного стенда. Думала, ты одобришь бережливость.

Майя улыбнулась и освободила место у окна. Анна вытащила из сумки ещё несколько деталей. Одна была целой, другая — с белой полосой на сгибе.

— Пока не треснуло. Видишь?

Майя взяла повреждённую трубку, согнула и остановилась.

— От этого я больше не узнаю. У меня другое чувство.

— Я не про твоё чувство. Просто посмотри.

Майя повернула деталь к свету. Полоса стала отчётливее. Анна показала, как она появляется при неправильном движении, и устроила на столе крошечное учебное место. Их родители когда-то очень старались, чтобы младшая не привыкала занимать всё пространство старшей. Теперь Майя сама отодвинула свои записи, освобождая ей ещё угол.

— Мне предложили расширение кистей, — сказала Анна, не поднимая головы.

Майя перестала двигать бумаги.

— От колледжа?

— Совместная программа. Колледж, поставщик учебных модулей, клиника. Буду чувствовать мелкое скольжение до того, как увижу. И напряжение в пальцах иначе. Пробовала внешнюю накладку — интересно. Только она, говорят, не

даёт всего.

Майя вспомнила свои первые пробы. Очень хотелось немедленно рассказать, насколько мало внешнее устройство похоже на полученное после перестройки. Анна уже включила описание, и Майя удержалась.

В ролике рука медленно проводила по поверхности. На экране менялся рисунок. Анна выключила изображение раньше конца.

— Красивые линии мне без надобности. Там можно остановиться раньше, чем сорвёшь край. Я хочу уметь так сама.

— Сколько?

— Мне — четыреста восемьдесят тысяч. Сначала сто двадцать, потом пятнадцать в месяц два года. Остальное закрывают они.

Полная стоимость составляла миллион девятьсот двадцать тысяч рублей. Майя проверила, правильно ли прочла. Анна кивнула. Это были разработка, перестройка, обучение и оговорённое наблюдение; дальнейшее сопровождение шло отдельной строкой.

— Я могу помочь с первым взносом, — сказала Майя.

Анна перестала вертеть деталь.

— Я ещё не попросила.

— Я знаю. Предлагаю.

— Ты даже не спросила, что я буду делать.

— Ты только что показала.

Анна придвинула к ней следующий лист.

Поставщик получал записи рабочих движений: усилия, мелкие поправки, задержки, последовательности захватов. На них собирались учить новые учебные устройства и сравнивать способы выполнения операций. Данные требовались в течение трёх лет, при включённом рабочем профиле; запись шла всю практическую смену. Разрешить только несколько выбранных упражнений по этому варианту программы было нельзя.

Майя прочла условия ещё раз. Прямого доступа к домашним разговорам здесь не просили. С этим было бы проще спорить.

— Они получат и то, что у тебя не получилось?

— Поэтому им и нужна вся работа. Если я выберу пять красивых движений, они могут просто снять пять красивых движений.

Анна накрутила трубку на палец и тут же сняла, заметив ещё одну белую полосу. Майя узнала выражение её лица: собственная маленькая неаккуратность сейчас была особенно обидной.

— А колледж что увидит?

— Вот это я хочу выяснить.

* * *

На следующий день они разговаривали с координатором программы из пустой мастерской.

Анна позвала Майю сама. Попросила слушать, но не объяснять за неё. Пока устанавливали связь, подвинула сестре стул и забрала у неё из рук исправную деталь: та уже второй раз пробовала согнуть её в неподходящем месте.

Координатор оказалась женщиной примерно Майиного возраста. Она знала технические условия и не старалась разогнать разговор до подписи. Анна спросила, можно ли исключить периоды, когда объясняет ошибку ученику, и оставить только собственную работу с образцом.

— Для этой программы они тоже значимы, — ответила женщина. — Мы различаем показ действия и совместное выполнение. Нам нужен переход между ними.

— А паузы?

— Короткие паузы внутри задания сохраняются. Перерыв вы закрываете отдельным режимом.

Анна попробовала его на демонстрационном пульте. Индикатор погас, потом загорелся снова. Майя следила за подписью: в пробе показывали устройство режима, собственные руки Анны пока ничего в систему не передавали.

— И это будет видеть мой заведующий?

Координатор открыла состав отчёта. Поставщик получал подробные записи. Колледжу возвращались сводные показатели по задачам и по каждому преподавателю: сколько времени требовалось для операции, как менялись усилия, когда понадобился повтор. Ошибки учеников старались отделять от движения преподавателя; добиться этого во всех случаях

пока не могли.

Анна ткнула пальцем в пустую клетку таблицы.

— Здесь я держу ему трубку, потому что ему страшно её сломать. Куда это попадёт?

— В совместное выполнение, если вы отметите.

— А если я забуду?

— Можно исправить после смены.

Майя увидела, как Анна втянула губы. Она уже знала этот жест: ответ ей был понятен, но принять его хотелось меньше, чем до вопроса.

— Я могу закрывать данные для колледжа, оставляя поставщику?

— В этой программе нет. Колледж оплачивает часть участия и получает отчёт. Можно выбрать индивидуальный вариант.

В индивидуальном варианте оставалась полная цена.

Анна спросила, что произойдёт, если она решит выйти после начала. Координатор отдельно объяснила сохранение выросших структур, оплату ещё не выполненных этапов и необходимость другого сопровождения. Условия досрочного прекращения следовало считать по моменту выхода. Майя записала номер нужного раздела. Никто не обещал забрать у Анны ладони, но удобный график платежей зависел от продолжения программы.

Когда связь закончилась, в мастерской стало слышно, как за стеной передвигают столы.

Анна положила голову на руки.

— Я всё равно хочу.

Майя села рядом. На полке перед ними лежали две коробки одинаковых прозрачных трубок. Коробка с целыми трубками была подписана аккуратно, надпись на второй несколько раз исправляли. Из неё торчали короткие обрезки.

— Ты можешь захотеть и не соглашаться сейчас, — сказала Майя.

— Это я сама умею. У меня денег на это умение много лет нет.

Майя не стала отвечать. Дождалась, пока сестра поднимет голову.

— Давай посчитаем.

Первый взнос они могли собрать вдвоём. Майя открыла свой счёт и сразу увидела ещё не прошедший платёж за июльское наблюдение. Потом расходы на квартиру, обычный запас и деньги, которые не хотела больше обещать до следующей зарплаты. Безопасно дать Анне она могла сорок тысяч. Ещё восемьдесят у той уже были.

Начать по рабочей программе получалось. Выкупить возможность не участвовать в ней — нет. После перестройки требовалось сопровождение; в индивидуальном варианте его годовая стоимость тоже не исчезала от первого взноса.

— Сорок бери, если решишь, — сказала Майя. — Без возврата. Но остальное я не потяну.

Анна посмотрела на цифру и провела по экрану назад, к

условиям.

— Не переводи пока.

— Хорошо.

— И не думай, что я сейчас стану благородной и довольной.

Майя усмехнулась.

— Я бы испугалась.

Анна собрала детали в коробку. Пружинный прибор положила сверху, отдельно от трубок, чтобы крючок ничего не порвал.

* * *

Через неделю Майя пришла в мастерскую к концу занятия.

Анна разрешила побыть сзади, не вмешиваясь. Группа была небольшая, все взрослые. Один мужчина постоянно спешил закончить раньше соседки и всякий раз начинал заново. Женщина в синей рубашке делала медленнее, но после удачного соединения подолгу рассматривала собственную работу, будто ожидала подвоха.

На столах стояли отключённые учебные модули. Анна проверяла каждую сборку до следующего этапа. У торопливого мужчины петля трубки упиралась в корпус. Он прижал её пальцем, чтобы показать, что место всё-таки есть.

— Пока держите, есть, — сказала Анна. — Отпустите.

Трубка вернулась.

Он засмеялся и попытался повернуть соединение целиком. Анна остановила движение, придерживая основание.

— Сначала снимем усилие здесь. Потом повернём.

Майя смотрела на её обычные пальцы. В них не было ничего медленного или беспомощного. Анна знала, что делает; просто каждой маленькой поправке требовались глаза, время, повтор. Новое чувство могло дать ей больше. Майя вдруг разозлилась на то, что из комнаты так легко сделать доказательство, будто сестре и этого должно хватать.

Анна показала пружинный прибор. Мужчина потянул, сравнил движение со своим прежним и нахмурился. Попросил попробовать ещё раз. Женщина в синей рубашке протянула ему свою деталь: у неё тоже не получалось понять, насколько крепко держать.

К концу занятия сломали одну трубку. Мужчина сам положил её в коробку обрезков, предварительно отрезав пригодный участок по отметке Анны. Майя помогла убрать столы, когда все ушли.

— Отправила отказ? — спросила она.

Анна кивнула.

— Написала, что в этой программе не участвую. Заведующий предложил вернуться к разговору зимой.

— Вернёшься?

— Если что-то поменяется. Я не отказываюсь от руки на всю жизнь.

Майя передала ей коробку. Анна поставила её на полку, сняла рабочий фартук и достала телефон. На экране оставалось изображение ладони с распределением новых чувствительных областей.

— Мне обещали сообщить о другой схеме оплаты, если появится. Может, и не сообщат.

Она убрала телефон и попросила Майю подержать стопку модулей, пока освободит место в шкафу. Получилось тяжело. Майя уже собиралась сказать, что можно перенести за два раза, когда сестра забрала верхние два сама.

* * *

Дома Никита спросил, как прошло занятие. Майя рассказала про трубку, человека, который хотел закончить первым, и отказ Анны.

— Она правильно… — начал он.

Майя покачала головой.

— Подожди. Она расстроена.

Он посмотрел на неё, потом закрыл рабочую запись.

— Ей что-нибудь нужно?

— Пока ничего. Не звони объяснять.

Никита кивнул. Через некоторое время спросил, можно ли приехать посмотреть на её занятия просто так. Майя сказала, что это надо спросить у самой Анны, и ушла переодеваться.

Когда вернулась, он показывал ей ответ. Анна прислала время и приписала: «Если будешь давать умные советы, получишь самую тугую трубку».

Майя засмеялась. Потом смех прошёл, а перед глазами ещё оставалась рука на экране сестриного телефона.

Глава 12. Третья ночь

Майя успела вытащить из держателя чистую ёмкость для готового продукта, прежде чем поняла, что сегодня она не понадобится.

На выходе линии горел запрет передачи. Подготовленный раствор оставался в контрольном баке, а растения получали питание из запаса. Шум насосов не изменился. Даже в рабочей комнате всё выглядело обычно: чужая чашка возле пульта, забытый стул у прохода, упаковка салфеток, которую не могли открыть по предусмотренному надрезу. Только на схеме появилось ещё одно замкнутое кольцо — продукт возвращался на проверку, не доходя до следующего участка.

Был октябрь. До окончания серии оставалось меньше двух недель.

— Ещё одну пробу? — спросил Денис.

Майя вернула ёмкость в держатель.

— Другим прибором. И из предыдущего бака тоже.

Он уже тянулся к телефону, потом посмотрел на часы. Удалённая консультационная группа не участвовала в этом отрезке опыта. Так они договорились заранее. Локальные контроллеры, блокировки и люди оставались на местах; прекращать проверку и просить помощи можно было в любую минуту. Для этого понадобилось бы только назвать момент, после которого они снова работали с внешним сопровожде-

нием.

Майя надеялась обойтись без такого звонка. В сентябре она сама объясняла, что двое суток — короткий срок для установки, которую собираются отправить надолго.

* * *

С Габриэлем Моро её познакомили на общей связи.

До этого Майя несколько лет работала с людьми, которые отвечали за отдельные части орбитальной программы. У каждого был свой ясный участок: сколько массы можно отправить, как крепится блок, какое обслуживание ему понадобится. Моро начал с фотографии мокрого рукава.

— Это после замены уплотнения, — объяснил он. — По документации там сухая операция.

На снимке рукав был обмотан впитывающей салфеткой. Майя увеличила место соединения и спросила, выполнили ли остановку потока до открытия.

— Выполнили. В описании не было остатка в кармане за клапаном.

Она узнала старую конструкцию, к которой её группа не имела отношения. Это ничем не помогало: в собственном блоке похожий карман тоже был.

— Добавим слив и положение для замены.

— Покажете на испытании. С человеком, который первый раз получил эту инструкцию.

Они говорили по-английски. У Моро был тихий голос и привычка ждать ответа, даже когда остальные уже начинали заполнять паузу. Майя сначала приняла это за недоверие. Потом заметила, что он так же слушает объяснение электрика и не перебивает, когда тому надо отыскать нужное изображение.

На общей схеме был показан будущий экспедиционный комплекс. Рабочее имя «Астерия» стояло над несколькими модулями, собранными пока только на рисунке. Часть оборудования уже работала на околоземной сборочной площадке; жилой объём испытывали на Земле, энергетическую установку готовила другая группа. Владельцы и сроки не совпадали. Моро отвечал за то, чтобы разрозненные результаты сложились в систему, которую сможет обслуживать экипаж.

Майя показала свою цепочку. Переработка части отходов, несколько биологических ступеней, подготовка питания для культур, возврат части воды. На схеме были и стрелки снаружи: необходимые вещества, расходные материалы, замена потерь. Она привыкла начинать объяснение с них, чтобы потом не спорить о слове «замкнутый».

Моро спросил о самом длинном испытании без помощи разработчиков местных настроек.

Майя назвала срок и уточнила, как часто они связывались с удалённой группой. Помощь не скрывалась: в журнале рядом с изменениями стояли имена тех, кто предложил их внести. Мирт участвовал в построении моделей, местные систе-

мы поддерживали режимы. Люди выбирали, когда переходить к следующему этапу.

— Если этот человек недоступен? — спросил Моро, показав на одну из записей.

— Мы знаем последовательность.

— Она не сработает. Дальше что?

— Есть другой режим. Производительность ниже.

— Насколько ниже и сколько времени?

Она открыла расчёт. Моро прочёл, затем спросил, где это уже показано на длинном цикле. Вопрос был неприятным именно потому, что ответ у неё имелся. Показано на коротком. Для длинного они переносили полученную скорость восстановления, оставляя запас.

— Хочу отдельный участок без консультаций, — сказал Моро. — Местные средства оставляем. Мне нужен расход резерва за всё время восстановления.

— Мы потеряем время на повтор.

— Я заложу повтор в график. Назовите, что нужно подготовить.

Майя показала срок подготовки материалов к ноябрьской грузовой отправке. Если не успеть, место её блока могли отдать другой работе. Моро ответил, что не может удержать пустое место на основании ожидаемого результата.

Весь остаток встречи она сердилась на его фотографию рукава. Слишком удобное начало для человека, который потом просит прибавить к хорошей работе ещё месяц. Вечером

всё-таки прошла к стенду и попросила Дениса показать замену уплотнения по их собственной инструкции.

Он выбрал правильный клапан, дождался остановки и открыл соединение. Жидкости вытекло меньше, чем у человека на снимке, но больше, чем обещала инструкция.

Майя принесла салфетки.

* * *

На этой линии Денис отвечал за отбор проб и контроль растворов. Он умел делать неприятные сообщения короткими, отчего они почему-то не становились легче.

— Подтвердилось, — сказал он теперь. — Нитрит. И второй прибор видит.

Майя сравнила две записи. Аммоний снижался, как и ожидалось. Дальше цепочка не успевала: промежуточный продукт накапливался быстрее, чем превращался в нужную форму. Блокировка была исправна. Питательный раствор не передали растениям.

За двое суток до этого они закончили проверку пониженной подачи кислорода. Вернули прежний режим, увидели хорошее начало и ожидали, что живое догонит расчёт. Прогноз показывал восстановление ещё прошлым вечером. Утром он отодвинул его до обеда. Майя разрешила продолжить ожидание на той же входной нагрузке. К вечеру им пришлось включить резерв.

Денис открыл журнал старой короткой серии. Тогда восстановление действительно было быстрее. Все значения, которыми они оправдывали ожидание, существовали. Просто нынешний реактор жил другую, более длинную жизнь.

— Дадим ещё ночь? — спросил он.

До конца периода без консультаций оставалось девять часов. Майя посмотрела на резервный бак. На экране запас выражался ровной полосой; в расчётной таблице рядом стояло, сколько дней нормальной работы он им обеспечит.

Возможность позвонить была в кармане халата. Внешняя группа могла предложить более точный разбор прямо сейчас. Майя не боялась, что Моро назовёт звонок слабостью. Боялась другого: она опять получит хороший результат, после которого останется тот же открытый вопрос.

— Входную нагрузку уменьшаем, — сказала она. — До проверенного низкого режима. И считаем запас для всей задержки, не до утра.

Денис назвал, какие культуры придётся перевести на экономный расход. Одну опытную серию тогда не получится продолжить в прежних условиях. Майя согласилась остановить её сравнение: после смены питания сопоставлять результат с исходной группой было бы удобно и неверно.

Они прошли вдоль линии. Рабочие насосы менять не требовалось. Отклонённый раствор оставили в своём контуре, подготовленный резерв подали через предусмотренное соединение. Денис сверил маркировку, а Майя нашла соб-

ственную подпись на старом плане: именно она добилась здесь двух раздельных точек подключения. Тогда казалось, что отстаивает излишне дорогую деталь. Сейчас хотелось поблагодарить себя, но мешало знание, что решение ожидать до вечера тоже приняла она.

После изменения нагрузки стрелки на схеме переместились. Сам реактор продолжал работать почти так же тихо. Майя стояла перед ним, ожидая хотя бы какого-нибудь немедленного признака. Ничего не произошло.

* * *

Никита привёз ужин после девяти.

Майя встретила его в комнате для сотрудников. Он поставил пакеты на обеденный стол и стал доставать коробки. Успел спросить, когда она освободится, и по её лицу понял, что хорошего ответа не будет.

— На час я тебя себе украду?

— Сейчас — нет.

— Хотя бы поешь.

Она села, сняла халат и вдруг заметила, что не помнит, когда была голодна. Ела медленно. Новый канал оставила на привычном низком уровне; рис оказался приятнее соуса, и она отодвинула лишнее к краю. Никита начал рассказывать о Рафаэле: тот уже держал крылья в потоке и всё равно ненавидел длинную подготовку к одному короткому движению.

Майя слушала, пока в дверях не появился Денис. Новый результат почти совпал с предыдущим. Она встала раньше, чем успела проглотить.

Никита перехватил её руку.

— Дожуй.

Она остановилась, рассмеялась и допила воду. Только тогда пошла за Денисом.

Вернувшись, обнаружила, что Никита убрал упаковки и сидит возле зарядки. Телефон лежал рядом, а сам он читал присланное Майей описание стенда. Майя на минуту испытала раздражение: сейчас он найдёт решение и начнёт объяснять. Он поднял голову и спросил, где оставить чистые контейнеры.

— На этой полке. Ты можешь ехать, я не скоро.

— Знаю. Мне надо ещё ответить на письмо. Если здесь не мешаю, посижу.

Она оставила ему стул и ушла. Через час застала его у того же стола, с заметками о телесном восприятии при изменении направления нагрузки.

— Это из нашего описания?

— Нет. Из того, что я не понял у Моро в материалах. Если глаза показывают одно, новый орган — другое, а обычного низа нет, человек на что опирается?

— Смотря что делает.

Никита показал ей короткий список вопросов. Он хотел предложить ограниченную наземную работу по переключе-

нию сенсорных опор для орбитальной программы. В конце стояло, какие выводы нельзя получить без настоящих полётных испытаний.

— Уже отправил?

— Нет. Завтра спрошу, нужно ли им это вообще.

Майя наклонилась к экрану. Ей понравилось, что рядом с её незаконченной работой возникла его собственная. Потом пришёл очередной результат, и она опять забыла, что он собирается уезжать.

На этот раз Никита только помахал из дверей. Она ответила, уже оборачиваясь к Денису, и позднее не смогла вспомнить, надел ли он шарф.

* * *

На третью ночь Майя проснулась оттого, что никто не позвал её.

Она спала на диване в комнате отдыха, под тонким покрывалом. Над дверью светилось время. Дежурная смена должна была сообщить, если выход изменится существенно; будить её ради тех же значений смысла не было. Майя села, нашла обувь, прошла к умывальнику и несколько секунд держала руки под прохладной водой.

Период без внешней консультации давно закончился. Утром они разобрали записи с группой поддержки. Другого быстрого решения та не дала: сниженная нагрузка и ожи-

дание оставались выбранным путём. Это помогало меньше, чем Майя воображала в первую ночь.

В рабочей комнате дежурила Оксана. Денис ушёл спать дома. На столе стояла большая кружка с нарисованным котом; у кота было только одно целое ухо, потому что второе стёрлось.

— Немного лучше, — сказала Оксана. — Я бы ещё не открывала.

Майя села рядом и посмотрела результат. Ей тоже хотелось сказать «ещё не открывать», хотя местная блокировка и так не собиралась этого делать. Она спросила, сколько осталось запаса при новом расходе.

Оксана показала расчёт. Хватало, если не возвращать остановленную опытную серию. Майя взяла телефон, открыла заявку на грузовую отправку и нашла последнюю дату предоставления результатов.

После возвращения к устойчивому режиму им требовались десять подтверждённых суток. До даты оставалось восемь дней. Устойчивого режима пока не было.

Она давно умела вычитать. Сейчас зачем-то проверила ещё раз.

Моро она написала, что ноябрьское место освобождают. Собранные данные пришлют полностью, новый срок предложат после восстановления, без сегодняшнего предположения о том, когда оно случится. Попросила сохранить участие группы в дальнейшей подготовке.

Сообщение ушло. Майя положила телефон экраном вниз.

Оксана предложила чай. Майя сказала, что лучше кофе, потом представила знакомую тяжесть нового вкуса и передумала. Они выпили по кружке тёплой воды. Оксана рассказала, как за выходные её дочь научила собаку носить носок, а теперь никто не мог найти пары. Майя смеялась тише, чем стоило этой истории: часть её всё ещё ждала, что показатели начнут быстро улучшаться в награду за принятое решение.

* * *

Продукт допустили к следующему участку через четыре дня после перехода на резерв. Ещё сутки увеличивали нагрузку понемногу, останавливаясь на каждой проверке. Только после этого начали отсчитывать подтверждённый устойчивый период.

Майя пришла на связь с Моро без прежней красивой итоговой таблицы. Принесла новую: расход резерва, пределы низкого режима, время возвращения и одну серию, которую нельзя засчитать.

Он спросил о ночных сменах, об инструкции подключения и о том, сможет ли всё повторить другая пара сотрудников. Майя ответила не на всё. Для двух действий предстояло изменить описание и проверить его с людьми, не участвовавшими в подготовке.

— Следующее место я пока не назову, — сказал Моро. —

Но это мы можем использовать.

Участие в проекте сохранилось. Грузовое место заняли другие.

На следующий свободный вечер Майя поехала к Никите в центр. Он ещё не закончил, и она устроилась ждать у окна. Достала рабочие записи, закрыла их и написала ему: «Я приехала не с результатом. Просто за тобой».

Он вышел минут через двадцать, в рубашке с закатанными рукавами, хотя в коридоре было прохладно.

— Долго ждала?

— Не знаю. Вполне переносимо.

Она взяла его за руку. Никита рассказал, что его предложение приняли для предварительного обсуждения. Пока только вопросы и наземная проба, без обещания полётного места. Майя стала расспрашивать. На улице они всё ещё спорили о том, какой сигнал человек назовёт главным.

Никита вдруг замолчал, ощупал открытый ворот и вернулся за шарфом. Майя осталась у двери. Когда он вышел, она расправила загнувшийся край, сунула ладонь ему в карман и потянула к остановке.

Глава 13. Шесть секунд

Софья увидела раскрытые крылья и убрала телефон.

До этого она успела снять зал, дорожку, Майю возле ограждения и собственную ладонь, случайно закрывшую объектив. Теперь смотрела мимо экрана. Никита стоял рядом и впервые за всё утро перестал следить за тем, куда она поставила сумку.

Рафаэл находился далеко, у начала пологого спуска. Два сотрудника отошли от него с пустыми опорами. Он расправлял крылья медленно, поочерёдно освобождая наружные части; сначала выросла одна тёмная дуга, потом другая. Между крайними точками было почти двенадцать метров. Никита знал это число, сам проходил вдоль разложенной мерной ленты, но сейчас ширина казалась ошибкой зрения. Человек в середине стал маленьким.

Потом Рафаэл поднял обычную руку и почесал нос.

Софья коротко выдохнула.

— Он нас видит?

— Видит. Только не маши пока.

— Я и не собиралась.

Никита сам не знал, зачем сказал. Расстегнул ворот, застегнул обратно. В зале было тепло; за высокой стеной шёл московский ноябрьский дождь, и принесённые с улицы куртки ещё пахли сыростью.

* * *

В июле Рафаэл прислал ему готовую запись разговора для встречи «Сферы». Никита посмотрел выпуск уже после показа. Рафаэл сидел лицом к собеседнику, рассказывал, как разучился проходить через дверь, и несколько раз смеялся раньше, чем переводчик успевал за ним. Тренировочные кадры в выпуск не вошли; в конце показали прежний номер на трапеции.

За этим последовали месяцы, о которых в следующем интервью он не знал бы, что рассказывать. Сон на новых опорах. Еда по часам, даже когда не хотелось. Утренние изменения веса. Места, которые вчера слушались, а сегодня снова требовали внимания. Прежний костюм стал мал, потом мал стал второй.

В августе Никита впервые увидел, как Рафаэл отказался от упражнения сам. Сказал, что движение расползается, и не стал доказывать, что всё ещё может повторить. Через минуту сердился из-за потерянного дня, но решения не изменил.

В сентябре крылья держали нагрузку в потоке. Корпус оставался на страховке; прозрачные линии подвеса хорошо читались на всех записях. Рафаэл злился, когда кто-нибудь называл это первым полётом. В октябре освоил разбег на наклонной дорожке, не теряя крылья из ощущения тела. Ноги и туловище перестроились вместе с ними: прежнему челове-

ку было бы нечем разогнать и удержать такую массу.

Последние пробы выполняли уже здесь, в длинном зале без колонн. Подготовку Никита видел гораздо чаще, чем новые результаты. По нескольку раз проверяли один и тот же участок. Переносили боковые ограждения, переставляли камеры. На полу заклеивали стыки, о которые человек мог запнуться после касания. Однажды целое утро ушло на то, чтобы Рафаэл научился прекращать разбег раньше края, даже если начало казалось удачным.

Вчера он показал Никите место, где намеревался приземлиться.

— А дальше? — спросил Никита.

Рафаэл указал далеко вперёд, почти к последней разметке.

— Дальше я ещё бегу. Вы всё время хотите, чтобы красивое сразу закончилось.

И побежал показать. Без раскрытых крыльев, с сопровождающим сбоку и сердитым лицом: после целого дня подготовки Никита снова спросил то, что было написано в плане.

* * *

Теперь план лежал в планшете у сотрудницы, руководившей заходом. Никита не смотрел в него. Свои проверки он закончил раньше; Рафаэл стоял на дорожке, потому что разные люди подтвердили каждый свою часть готовности.

В начале дорожка поднималась выше человеческого роста. Потом плавно опускалась и заканчивалась невысоким краем. Крылья проходили по обе стороны узкого настила, над свободным пространством. За краем тянулся пустой коридор, дальше — полоса касания и длинный пробег по упругому покрытию. Вся длина зала вдруг показалась Никите недостаточной.

Тросы были отведены. Большая установка, которая создавала поток на тренировках, молчала. В воздухе не шевелилось ничего, кроме тонких наружных кромок крыльев.

Рафаэл посмотрел на сотрудницу. Она подняла руку, дождалась его ответа и опустила. Начинать он должен был сам.

Он ещё немного постоял.

Никита услышал рядом сухой щелчок. Софья сжимала ремешок сумки, и застёжка ударилась об ограждение. Майя положила ладонь ему между лопатками. Ему захотелось попросить её не убирать.

Рафаэл сделал первый шаг.

Ничего необычного: человек пошёл по дорожке. На третьем шаге перешёл на бег, и крылья чуть поднялись. Они не качались вместе с руками, как огромные неудобные предметы на спине. Движение ног проходило под ними, а наружные края сохраняли своё положение. Рафаэл наклонился, ускорился. Пологий спуск добавлял скорости.

На середине дорожки он начал рабочее движение.

Никита давно слышал этот звук в потоке, среди моторов

и команд. Сейчас воздух отозвался отдельно: низкий хлопок, почти удар по большому полотну. Крылья прошли вниз, изменили положение и вернулись. Ноги ещё бежали. Один край на мгновение оказался выше другого, Рафаэл поправил корпус, продолжая движение вперёд.

За оставшееся время можно было успеть подумать очень много.

Что левый край слишком близко к настилу, хотя это уже проверяли. Что он не успеет отменить. Что сейчас всем станет понятно, какую нелепую вещь они сделали с живым человеком. Никита чувствовал Майину ладонь и не мог повернуть к ней голову.

Рафаэл добежал до конца.

Одна стопа ещё коснулась дорожки, другая уже искала шаг там, где поверхности не было. Он подтянул ноги, расправил корпус над пустотой и сделал короткий взмах. Приподнялся и только тогда увеличил ход крыльев.

Никита ждал падения.

Рафаэл летел.

Пол проходил под ним так близко, что сначала всё походило на длинный прыжок. Но дорожка осталась сзади. Второе движение удержало его над первой полосой, третье понесло дальше; ступни не приближались к покрытию. Он чуть поднимался всем телом и снова опускался, сохраняя среднюю высоту. Крылья возвращались вверх быстрее, чем Никита успевал проследить за дальними концами.

Лицо Рафаэла было обращено вперёд. Никита не видел, улыбался ли он. Видел ладонь, которую тот зачем-то раскрыл, будто собирался нащупать воздух обычными пальцами.

На следующем движении левое крыло ушло немного назад. Корпус повернулся, и у ограждения кто-то шумно вдохнул. Рафаэл поправил положение. Широкая тень съехала в сторону и снова легла поперёк разметки.

Он пролетал мимо них.

Никита повёл головой, не сразу поверив, что приходится следить за человеком так быстро. Увидел кожу шеи, натянутую ткань у основания новых опор, светлую полосу на старом плече. Всё это двигалось по воздуху. От крыльев дошло тёплое колебание, сдвинуло край листа, зажатого у Софьи под ремешком.

Потом Рафаэл начал садиться.

Движения стали короче. Передний край поднялся, тело чуть выпрямилось; крылья остались высоко, а ноги пошли вниз. Первая стопа коснулась пола и тут же оторвалась. Вторая приняла следующий шаг. Он бежал быстро, слишком быстро для человека с такой широкой тенью, наклонившись вперёд и удерживая крылья над собой.

Никита сделал движение к проходу. Майя не удержала его — он сам остановился у ограждения. Никто не вышел на полосу.

Рафаэл пробежал первую отметку, вторую. Шаги стали

короче. На последней части коридора он наконец замедлился до обычного бега, перешёл на шаг и остановился, расставив ноги.

Крылья ещё оставались раскрыты.

Сотрудница подошла только после его сигнала. Что-то спросила, выслушала ответ. С двух сторон подкатили опоры. Рафаэл начал складывать крылья и вдруг посмотрел туда, где стояли они.

Поднял обе руки.

Софья захлопала первой. Звук в огромном помещении вышел маленький и очень быстрый. Никита присоединился, потом перестал: горло сжалось так, что ему понадобилось выдохнуть. Майя обняла его за пояс. Он накрыл её руку и смотрел, как Рафаэл смеётся у двух подкатных стоек, пока ему помогают освободить спину от нагрузки.

— Сколько? — спросил кто-то.

— Почти шесть.

Никита не сразу понял, что речь о секундах.

* * *

Рафаэл хотел первым делом посмотреть запись.

Ему предложили сначала осмотр. Он согласился слишком быстро, и врач повторила, что второй попытки сегодня не будет. Рафаэл показал на свой раскрытый рот: ещё не мог ответить длинной фразой. Пот собирался на лбу и стекал к

вискам. Пока переносили опоры, он успел спросить только одно:

— На посадке я смешной?

Никита сказал, что не заметил.

— Значит, очень.

Его увели в соседнее помещение. Они остались у ограждения, неожиданно не зная, чем заняться. Софья спросила, есть ли у кого-нибудь вода, и выяснилось, что все принесли для Рафаэла и никто для себя.

Никита включил запись с боковой камеры. На маленьком экране человек начал двигаться, оторвался, несколько раз взмахнул крыльями и снова побежал. Всё кончилось раньше, чем Софья успела надеть очки.

— Ещё раз, — попросила она.

Он повторил.

Теперь Никита увидел то, чего не заметил в зале: после начала полёта расстояние до пола действительно перестало сокращаться. Рафаэл держал себя в воздухе. На записи было проще понять и труднее почувствовать.

Майя смотрела в пустую полосу, по которой тот только что пролетел.

— Я думала, звук будет другой.

— Какой?

Она пожала плечами.

— Тише. Наверное, я всё-таки представляла птицу.

Софья наконец нашла свой телефон и с досадой сказала,

что самого полёта не сняла.

* * *

К столу Рафаэл вышел почти через час, в широком тёплом покрытии с отдельными длинными секциями для сложенных крыльев. Никита ожидал знакомого человека в новой одежде, а увидел целую передвигающуюся конструкцию. Чтобы повернуть возле двери, Рафаэлу пришлось сначала податься вперёд, затем развернуть нижнюю часть тела. Он не позволил Никите подхватить свободный край.

— Если возьмёшь там, потянешь здесь. Сейчас сам.

Место для него подготовили с торца, где можно было поставить привычную опору для корпуса и оставить крылья по сторонам. Рафаэл устроился, обвёл взглядом накрытые блюда и спросил, сколько людей ещё придёт.

— Все здесь, — сказал Никита.

— Тогда я спокоен.

Он ел с сосредоточенностью, которая сначала смешила, а потом заставила Никиту замолчать. Отламывал хлеб, собирал соус, придерживал тарелку обычной левой рукой. Софья пыталась выяснить, не давит ли новый край одежды. Рафаэл отвечал через переводчик, не успевал закончить ответ и уже брал следующий кусок.

— Сначала ешь, — сказала она. — Я могу подождать.

Он с благодарностью кивнул.

Полёт вспоминали по частям. Кто увидел первый шаг, кто — конец дорожки. Сотрудница, руководившая заходом, призналась, что после остановки Рафаэла сама пошла вдоль ограждения, хотя собиралась остаться на месте. Майя показала на Никиту.

— Этот тоже хотел побежать.

— Куда? — спросил Рафаэл.

— Не знаю, — сказал Никита.

Рафаэл изобразил двумя пальцами, как Никита бежит за ним, и засмеялся. Потом попросил хлеб ещё раз.

Крамер прислал поздравление и предложил обсудить показ. Рафаэл прочёл сообщение, вернул телефон экраном вниз.

— Завтра отвечу.

После еды он всё-таки попросил Никиту помочь с покрытием. Боковая застёжка разошлась, верхняя осталась закрытой; чтобы до неё дотянуться, пришлось встать. Софья смотрела, как они запутываются, и не вмешивалась, пока Рафаэл сам не попросил. Оказалось, нужно сначала освободить одну секцию, а потом повернуться. Он сделал наоборот и теперь не мог ни снять, ни надеть.

Софья расстегнула верх, Никита принял освободившуюся ткань. Рафаэл осторожно вывел левое крыло из чехла и замер, с одним свободным боком и другим укутанным.

— Вот это не снимай, — сказал он Майе.

Она подняла обе пустые руки.

— Я запомню.

Перевод пришёл, когда он уже начал поворачиваться. Рафаэл оглянулся на неё и покачал головой.

На стуле у стены осталась бесформенная груда дорогой одежды. Рафаэл попросил открыть запись ещё раз, без замедления. Досмотрел до конца, попросил вернуться к началу. На этот раз следил за ногами.

— Я думал, там будет страшнее, — сказал он.

— Где? — спросил Никита.

— Когда уже нельзя остаться.

Он указал на край дорожки. На экране его стопа снова подошла к нему, оттолкнулась, и бегущий человек исчез — появился летящий.

— А было?

Рафаэл помолчал.

— Было мало места. Ещё хотел. Не второй раз сейчас. Там, дальше.

Он провёл рукой вдоль стола, продолжая полёт за край маленького экрана.

* * *

С Миртом Никита разговаривал на следующий вечер, один в рабочей комнате.

Они закончили разбор сенсорной части записи. Во время полёта Рафаэл управлял крыльями сам; данные ушли в

обычное сопровождение и оставались материалом для дальнейшей работы. Мирт предложил, что можно проверить перед следующим этапом. Никита сделал две пометки, третью отложил до разговора с самим Рафаэлом.

— Ты долго молчал после посадки, — сказал Мирт.

Никита посмотрел на экран. Они уже закрыли рабочую часть.

— Не знал, что сказать.

— Я тоже не нашёл для тебя подходящей фразы.

— Хорошо, что не стал искать вслух.

Никита улыбнулся. Помолчал немного, затем спросил, давно ли Мирт хотел этого полёта. Тот ответил не сразу.

— Я хотел, чтобы он получился. Не уверен, что всё время хотел одного и того же.

— Сначала — чтобы сошёлся расчёт?

— В том числе. Потом Рафаэл перестал спрашивать, что у него вырастет. Начал спрашивать, когда сможет сам выбрать движение.

Никита узнал эту перемену. Летом ему тоже надоело слышать вопрос «когда», потому что приходилось отвечать на него без даты.

— А ты почему боялся до самого конца? — спросил Мирт. — Оценка уже не менялась. Ты её принял.

— Принял — не значит перестал бояться.

— Чего именно в последние секунды?

Никита попробовал вспомнить. Ладонь Майи на спине

помнилась отчётливее лица Рафаэла.

— Что всё кончится у меня на глазах. Что я мог ещё остановить и не остановил. А если бы остановил без причины, он, наверное, больше бы мне не поверил.

— Когда он приземлился, первое исчезло?

— Не сразу. Он уже стоял, а я всё ещё был там, до края.

Мирт попросил объяснить это. Никита начал с дыхания, потом понял, что рассказывает не о том. Сказал про секунду, в которую увидел раскрытую обычную ладонь. Про желание выйти на полосу, хотя помочь оттуда было нечем. Про мать, которая забыла снимать.

Вопросы становились всё менее похожи на рабочие. Никита мог закрыть связь, но ему не хотелось заканчивать. Мирт не перебивал готовым объяснением и не говорил, что испытывал то же самое.

— У тебя ведь бывают свои движения, — сказал Никита. — Есть чем пробовать.

— Есть установки. Я меняю режим, получаю ответ. Иногда приходится ждать результата дольше, чем длится решение.

— И?

— Я хотел понять, что изменилось для тебя, когда движение сделал он.

Никита откинулся на стуле. Подумал, что на этот вопрос мог бы ответить Майе, Рафаэлу, матери; получились бы разные разговоры. Здесь хотелось подобрать свой ответ.

— Я не могу полететь вместо него, — сказал он наконец. — Но почему-то после вчерашнего у меня самого стало больше места.

Мирт молчал.

Никита посмотрел на время. Майя ещё работала, домой он не опаздывал. Спросил, видел ли Мирт, как Рафаэл застрял в одежде, и сам же вспомнил: в той комнате запись не шла. Пришлось рассказать с начала, подняться и показать неправильный поворот. Получалось плохо. У Никиты не было крыльев, а главное, он не мог перестать смеяться.

* * *

В декабре, на очередной проверке собственного теплового канала, Никита вдруг снова увидел перед собой летящую ладонь.

Перед ним двигалась обычная тёплая поверхность. Он должен был отметить конец перехода и продолжить различение в новом положении. Последовательность повторялась, оставляя достаточно свободного внимания для посторонней мысли. Он вспомнил, как Рафаэл почесал нос перед стартом, как мать убрала телефон. Невольно улыбнулся, пропустил предъявление и попросил повторить.

Лейла остановила ход раньше следующего задания.

— Посмотри сюда.

Она вывела оценку затрат. После окончания перехода

опять оставался расход, которого не требовало их описание локальной работы. Никита узнал форму лишнего участка. В январе они уже видели похожее — и почти всё объяснили.

— Отметка?

— Уже местная. Та ошибка исправлена.

Он попросил открыть январские исходники. Лейла поставила рядом два сеанса и декабрьскую запись прошлого года. У нынешнего превышение было больше. Оценка всё ещё зависела от допущений, но прежняя ошибка времени его уже не убирала.

— Что у тебя происходило? — спросила она.

— Вспомнил Рафаэла. Отвлёкся.

— В каком месте?

Он указал приблизительно. Точнее пришлось бы выдумать.

Лейла отметила его ответ отдельно от записи. Никита подождал, пока она закончит, и спросил, можно ли повторить прямо сейчас. Они сделали короткую паузу. Во втором проходе он следил за поверхностью старательно, не желая снова отвлечься. Лишний участок оказался меньше, но остался.

Это не позволяло выбрать причину. Мог измениться сам расход в ткани, могла ошибаться его оценка; воспоминание в первом сеансе тоже ничего не доказывало. Никита чувствовал, как удобно было бы снова написать «адаптация» и вернуться к более интересной работе.

Он попросил добавить отдельное сравнение при неизмен-

ном местном режиме. Сначала требовалось уточнить оценку обычных затрат, иначе новый опыт повторит старую неопределённость. Лейла записала задачу, сохранила исходники обоих проходов и показала ему, что пометка о воспоминании не стала объяснением.

Никита кивнул. Забрал со стола часы, которые снял перед сеансом, и вышел в коридор.

Там ждало сообщение от Рафаэла. Тот прислал рисунок будущего номера: длинная открытая площадка, зрители по краям, незаконченная траектория над серединой. Под рисунком был один вопрос — как долго им ещё понадобится зал.

Никита увеличил изображение. Слишком близкие ограждения. Люди в месте, которое пришлось бы оставить свободным. В зале эту часть оставляли пустой.

Он начал отвечать, потом стёр первую фразу и предложил встретиться у настоящей разметки. На рисунке Рафаэл был изображён совсем маленьким. Никита ещё немного смотрел на него, прежде чем убрать телефон.

Часть III. Собеседники Мирта

Глава 14. Человек напротив

Крамер сидел на полу и не мог открыть собственный чемодан.

Никита увидел его через стеклянную дверь: дорогие брюки, поднятый ворот рубашки, две руки на упрямой застёжке. Рядом стоял Чэнь с кружкой. Судя по неподвижности кружки, помогать он уже пробовал.

— Нажмите на крышку, — сказал Никита, войдя.

Крамер посмотрел на него снизу вверх.

— Мы начали с этого.

Он говорил по-английски. На столе у окна лежал раскрытый переводчик, но для их разговора не понадобился. Никита присел, надавил на противоположный угол и почувствовал, как внутри сдвинулось что-то тяжёлое. Застёжка поддалась.

Крамер достал две толстые металлические пластины. В первой шли ровные одинаковые каналы; во второй они расходились неровным деревом, утолщаясь там, где Никита ожидал сужения. Оба предмета были тёплыми после дороги. Его новое чувство улавливало след рук на верхней пластине, но больше ничем не помогало.

— За это тоже заплатили? — спросил он, показывая на чемодан.

— За удобство перевозки, — ответил Крамер. — Его пока не проверили.

Чэнь поставил кружку и взял нижнюю пластину обеими руками.

Был январь. Никита пришёл посмотреть на результат, который в письме назывался скромно: новый распределитель охлаждения. В последние месяцы почти всякое значительное событие начиналось с такого названия. Открывалось описание, а за ним оказывалась ещё одна возможность, которую теперь придётся считать обычной.

Шесть вычислительных модулей грелись по-разному. Пока их нагрузка менялась неторопливо, прежняя система справлялась. Когда работа быстро переходила с одного на другой, где-нибудь возникало горячее место и весь узел снижал темп. Можно было усилить прокачку, увеличить каналы, поменять компоновку. Каждый путь чего-нибудь стоил.

Крамер изменил сам распределитель. Чертежи отдал людям Чэня; детали изготовили здесь, без его участия. Материал, размеры и допустимый расход оставили прежними.

Никита повертел пластину. В неровном рисунке хотелось найти знакомый закон.

— Кто делал расчёт?

— Я.

Он поднял глаза. Крамер не улыбался и не ждал, пока

реплика произведёт впечатление. Искал в чемодане мягкую прокладку, чтобы не класть металл на голый стол.

— В вашей группе?

— В моей системе. Вы хотите спросить, кто принял решения?

Никита хотел спросить именно это и рассердился, что его поправили раньше вопроса.

Крамер нашёл прокладку, расправил её.

— Я. Измерения получал от группы. Ограничения изготовления — от Чэня. Два приёма взял из известных решений. Эту форму получил сам.

* * *

На стенде были нагреватели вместо рабочих модулей. С ними можно было не рисковать дорогой вычислительной частью, если проверка окажется неприятной.

Чэнь подключил первую пластину. Никита отошёл к ограждению; последнее свободное место возле пульта занял инженер, которому Крамер передал чертежи ещё в декабре. Его звали Павел. Он сразу предупредил, что на сегодня поставил последовательность, которой не было в прежних опытах.

Крамер спросил только, сохранились ли оговорённые пределы.

— Сохранились.

— Тогда начинайте.

Первый проход Никита почти целиком смотрел на людей. Крамер стоял спокойно, изредка менял положение, будто устала одна нога. Чэнь следил за расходом. Павел записывал, в какой момент прежний узел начинал терять темп.

После прохода стенд остановили. Чэнь с Павлом заменили первую пластину второй, проверили соединения и повторили ту же последовательность. Никита успел выпить кофе; Крамер отошёл ответить на звонок и вернулся, когда уже можно было сравнивать записи.

Тепло по-прежнему приходилось уносить из узла. Самый горячий участок возвращался к допустимому состоянию раньше, и на проверенных режимах насос мог работать слабее. В одном переходе преимущества почти не было. Павел задержал на нём изображение.

— Здесь зря усложнили.

— Если делать только для этого режима — да, — сказал Крамер.

Они несколько минут спорили. Никита сначала успевал следить, потом потерял связь между изменением входа и формой одной боковой ветви. Он попросил вернуть предыдущий рисунок.

Крамер вернул два.

— Этот?

— Нет. Ещё до него.

Возник третий. Чэнь провёл пальцем вдоль края.

— Вот здесь. Слишком тонкую стенку мы бы не сделали одинаково. Это наш предел, не его расчёт.

Никита наконец понял, на чём они сошлись. Пока он понимал, разговор ушёл дальше. Крамер уже предложил вторую форму, отказался от одного изменения после возражения Павла и вернулся к первому. Все три рисунка оставались перед ним; он не путал, из какого возникла поправка.

Никита чувствовал себя человеком, который пришёл к столу в середине общей истории. Такое с ним случалось и раньше, в чужих дисциплинах. Теперь не хватало не названий. Он понимал отдельные шаги. Не мог удержать их вместе.

Когда опыт закончили, Чэнь отдал ему остывшую первую пластину.

— Зачем мне?

— Ты всё время на неё смотришь.

Никита провёл пальцем по ровному каналу. Хорошая понятная вещь, изготовленная для условий, которые изменились быстрее неё.

* * *

Мирт подключился после испытания.

Лейла заранее согласовала такой порядок. Во время разработки своей последней версии Крамер работал без открытого канала к Мирту, затем отдал файлы изготовителям. Се-

годня ИИ получил готовые записи наравне с остальными. Никита видел ту же отметку соединения, которую привык почти не замечать в собственных занятиях.

Мирт попросил исходные ограничения. Потом — повтор одного перехода. Павел показал его вместе с неудачным случаем.

— Ты допускал такое распределение? — спросил Никита.

— Не в том поиске, который я здесь выполнял, — ответил Мирт. — Я оставил одинаковые ветви на этом уровне.

— Почему?

— Они давали более простой контроль изготовления. Я оценил дальнейшее усложнение как слишком дорогое для ожидаемого выигрыша.

Крамер повернул к экрану изображение второй пластины.

— А я уже заплатил за станок, на котором это оказалось не слишком дорого.

Чэнь усмехнулся.

— После двух переделок.

— После двух, — согласился Крамер.

Никите понравилось, что Мирт не стал немедленно показывать лучший ответ. Он уточнил результаты, нашёл переход, который ещё следовало проверить, и предложил свой вариант продолжения. Крамер возразил. Некоторое время они разговаривали прямо, без Никиты: не быстрее, чем он мог слышать, но с опорой на вещи, к которым ему пришлось бы возвращаться по одной.

Лейла закрыла лишние окна и спросила, можно ли сохранить обе последовательности для нового опыта. Они согласились почти одновременно.

Никита посмотрел на человека напротив. Знакомое лицо осталось тем же. Даже красноватый след у воротника выглядел обыденно. Этот человек мог забыть удобный способ открыть чемодан, устать стоять и при этом удерживать разговор, для которого Никите понадобилось бы несколько дней чужих объяснений.

— Давно? — спросил он, когда остальные начали собираться.

Крамер понял.

— Достаточно, чтобы перестать каждое утро проверять, не вернулось ли прежнее.

— А прежнее бывает?

— Когда убираю часть оборудования. Когда устаю. Когда занимаюсь тем, чему ещё не учился.

Он закрыл чемодан, на этот раз поправив прокладку.

— Вы хотите попробовать?

Никита заранее знал, что услышит предложение, и всё равно почувствовал его в животе.

* * *

Лейла не позволила ему закончить рассказ словами «он стал равным».

— По этой детали?

— Ты слышала разговор.

— Слышала. И видела предыдущие проверки. Тебе я показывала только часть.

Она открыла материалы программы. Там были чужие новые задачи, отклонённые решения, сделанные вещи, повторения, в которых преимущество исчезало. Крамер работал с собственным оборудованием, но никто не прятал в нём готового собеседника, отвечавшего вместо него. Новая вычислительная часть участвовала в его внимании и памяти; решения складывались вместе с его прежними знаниями, желаниями и ошибками.

Лейла показала, как проверяли самостоятельность при закрытых внешних соединениях. Условия следующей задачи приносили после закрытия. Результаты оценивали люди, которые не участвовали в подготовке, и проверяли другими средствами. Один эффектный разговор был бы гораздо удобнее всей этой работы.

— Это не делает его Миртом, — сказала она. — У них разные доступные средства. Разные мощности. Разный опыт. Но разговаривать с ним так, будто он ждёт готового ответа, уже нельзя.

Никита попросил повторить собственную декабрьскую задачу о расходе после перехода с более точной оценкой. Лейла сказала, что подготовка идёт. Для обычных затрат нужны новые измерения; переход в другую программу не превратит

незавершённый опыт в завершённый.

Он кивнул. Как раз превратить и хотелось: стать человеком, которому эта неопределённость окажется мала.

Мирт позже сам предложил выделить работу по различению телесных опор в отдельную ветвь программы усиления. Никита ждал осторожного возражения и спросил, зачем ему это нужно.

— Ты сможешь поставить вопрос, который сейчас не удерживаешь целиком.

— Тебе придётся отвечать на него.

— Возможно, тебе придётся отвечать мне.

Это было похоже на приглашение. Никита поймал себя на почти детской радости и не стал сразу от неё защищаться.

* * *

С Майей они читали условия вечером.

Она сидела на подоконнике, подложив под спину плоскую подушку. Никита ходил между столом и дверью, пока она не попросила перестать мелькать. Он сел напротив.

Программа покрывала изготовление тканей, поэтапное соединение, обучение и использование выделенного оборудования. Взамен требовалась исследовательская работа, для которой отдельно задавали время и состав передаваемых записей. Уже полученное расширение не выключалось при выходе; право на дальнейшие мощности и сопровождение при-

ходилось обсуждать особо. Разум сохранялся и в ограниченном режиме, а предельные возможности — нет.

— Ты уже решил, — сказала Майя.

— Хочу решить, понимая, что беру.

Она немного помолчала.

— А если я не успею за тобой?

Он начал объяснять, что внешняя скорость речи останется обычной. Осёкся на середине. Майя смотрела без раздражения, и это помогло заметить, насколько не на тот вопрос он отвечает.

— Не знаю, — сказал Никита.

— Я тоже.

Ему хотелось обещать, что с ними ничего не изменится. После собственного теплового чувства, её нового вкуса и месяцев Рафаэла на опорах такое обещание выглядело бы странно.

Майя положила стопу ему на колено. Носок был тонкий, пятка прохладная.

— Я не хочу, чтобы ты отказался, а потом всё время смотрел туда, где мог бы быть.

Никита накрыл её стопу ладонью. Несколько минут они сидели так, не возвращаясь к документам. Когда он снова открыл условия, Майя наклонилась к нему и указала на длительность обязательных занятий. Ей нужно было понять, как они будут видеть друг друга в ближайшие месяцы.

В конце января он подтвердил участие.

Сначала ничего похожего на новый разум не происходило. Подготовительные процедуры, ожидание роста, измерения, после которых хотелось спать. В расписании появились отдельные свободные дни, и Никита с раздражением обнаружил, что не может использовать их для всего отложенного. Он ещё не стал быстрее, зато уже жил медленнее обычного.

* * *

В феврале привезли оборудование.

Два человека подняли упакованный блок, ещё один занёс приспособления для подключения. Никита заранее показал специалисту комнату, проверил допустимое питание и согласился начать с малого режима. Полная мощность требовала другого отвода тепла; пока её не разрешили включать дома. Накануне они с Майей измерили столы. Она освободила место, он перенёс книги. Открытую дверь никто не включил в расчёт.

Майя вернулась, когда стол уже стоял поперёк комнаты. Протиснулась к своему месту, потянула дверь на себя. Та упёрлась в угол стола.

— А если мой стол к окну?

Один из работников показал, какой проход понадобится для обслуживания. Майя посмотрела на полоску свободного пола и ещё раз потянула дверь, словно со второй попытки могло получиться иначе.

— Пока будем заниматься по очереди, — сказала она. — После девяти я закончу и уйду на кухню. Комната твоя.

Никита попросил остановить подключение.

— После девяти я уже не могу заниматься.

— Ты же сидишь до ночи.

— Со старой работой. Здесь мне к вечеру хватает обычного разговора.

Она повернулась к нему. Он не хотел объяснять усталость перед тремя людьми, ожидавшими, куда ставить аппаратуру.

— До девяти я сама на связи, — сказала Майя.

— Знаю.

Они замолчали. Майя сняла сумку с плеча, но поставить её было некуда. Никита забрал сумку, отнёс в коридор. Вернувшись, увидел, что она открыла свой календарь.

— Не передвигай пока смены.

— Я только смотрю.

— А я не хочу учиться в то время, которое осталось после всего остального. У меня и так половина занятия уходит на возвращение к тому, что вчера получилось.

Майя закрыла календарь. Ему стало стыдно за последнюю фразу: она ведь пыталась отдать ему собственное место. Но принять её щедрость сейчас значило согласиться ещё и с часами, которые она выбрала за него.

— Я решила, что если помещается блок, то поместимся и мы, — сказала она.

— Я тоже смотрел только размеры.

Ему пришлось позвонить в центр и спросить о месте, которое предлагали с самого начала. Подготовка там была дороже и требовала ждать свободного подключения. Он отказался от неё, потому что хотел учиться дома, не прибавляя к занятиям дорогу.

Теперь свободное подключение досталось другому.

Блок увезли на временное хранение. Занятия с полной внешней частью пришлось отложить на девять дней. Никита помог вернуть стол, собрал мелкие обрывки упаковки, которые остались возле ножек. Майя закрыла свою дверь. Из-за неё вскоре донёсся рабочий разговор.

Он сидел на кухне и считал девять потерянных дней. Майя вышла из комнаты, ещё раз посмотрела на восстановленное положение столов и села рядом.

Никита спросил, хочет ли она чаю.

— Хочу. А вечером давай поедим здесь. Пока я не отдала нашу кухню под что-нибудь ещё.

Никита засмеялся. Неловко, с облегчением. Она придвинула к нему кружку.

* * *

В оборудованной комнате центр выделил ему собственный узел. Жидкость уносила тепло от вычислительных модулей к системе здания; за стеной работало то, чему не нашлось бы места возле их домашнего окна. До четырёх кило-

ватт в тяжёлом режиме — в расписании эта мощность выглядела строчкой, здесь имела трубы, доступ для обслуживания и отдельный звук.

Первое упражнение оказалось унизительно простым. Никита должен был удерживать две меняющиеся последовательности и замечать, когда одна переставала соответствовать другой. Сначала он делал это прежним способом: переводил внимание, запоминал, возвращался. К вечеру болела голова, а нового ничего не случилось.

Через несколько занятий одна последовательность осталась доступной, пока он смотрел на другую.

Не появилась рядом картинка. Не заговорил помощник. Никита сам продолжал видеть отношение, которое прежде выпадало из внимания. Он проверил его, вернулся к первому ряду и обнаружил там уже подготовленную собственную поправку. Помнил, почему её сделал, хотя не произносил объяснение словами.

Он сбился, пытаясь немедленно рассказать.

Лейла попросила не торопиться. В следующем проходе всё исчезло. Ещё через один вернулось ненадолго, и Никита чуть не рассмеялся прямо во время задания.

После занятия они отключили внешнюю часть по порядку. Комната не погасла, он не перестал понимать речь. Просто задача снова стала длиннее его внимания. Пришлось читать сохранённые шаги, и было обидно, что собственная мысль теперь требует такого медленного возвращения.

Домой он принёс только интерфейс и записи. Поставил небольшой блок на свою полку, провёл провод так, чтобы он не попадал под дверь рабочей комнаты, и несколько раз открыл её и закрыл.

Майя наблюдала с дивана.

— Работает?

— Дверь — да.

Она подвинулась, освобождая ему место. Никита сел рядом и начал рассказывать. На этот раз не про мощность и не про Крамера. Про то, что мысль можно не потерять, пока думаешь другую, и как трудно найти для этого пример.

Майя слушала. Потом сказала, что он улыбается уже минут десять и всё ещё не дошёл до примера.

Никита понял, что это правда. Обнял её, уткнулся лицом в волосы и на время перестал объяснять.

Глава 15. Держи рукав

Мать попросила его подержать женщину за рукав.

Никита приехал с планшетом, двумя вариантами изображения и уверенностью, что разговор займёт минут двадцать. Женщина стояла на низкой примерочной площадке. На ней был недошитый жакет: один рукав заканчивался правильной манжетой, второй свисал длинным пустым концом.

— Вот здесь, — сказала Софья. — Не тяни. Просто не давай уйти.

Никита взял ткань правой рукой. Планшет пришлось положить на стул, где уже лежали чехол, мел и чужой шарф.

— Здравствуйте, — сказала женщина.

— Здравствуйте.

— Это мой сын, — объяснила Софья. — Думает, что приехал ко мне.

Женщина засмеялась, и рукав выскользнул у него из пальцев.

Был март. За окном мастерской снег сохранился только у края двора, серый, с отпечатками обуви. Никита поднял рукав снова. Мать отогнула припуск левой рукой и провела мелом короткую черту. Он следил за её большим пальцем пристальнее, чем за всей остальной работой.

Она заметила.

— Никит, рукав. Опять уходит.

* * *

В феврале Никита узнал, что ей давно трудно удерживать ткань.

Не всякую и не всегда. Софья спокойно раскладывала лекала, поправляла складку ладонью, могла целый час разговаривать о посадке. Потом брала мелкую застёжку и отпускала раньше, чем заканчивала движение. Боль жила у основания левого большого пальца; сильный щипок отзывался там, где он соединялся с кистью.

Она уже приспособилась. Держала тяжёлый край на столе, вместо того чтобы тянуть на весу. Некоторые инструменты обернула мягким материалом. В дни длинных примерок просила коллегу принять часть ручной работы, объясняя это спешкой. Никита вспомнил ноябрьский стол после полёта Рафаэла, ткань у него на руках, мать возле застёжки. Тогда она ни разу не сказала, что ей больно.

— Почему не рассказала?

— Я рассказывала, что рука устаёт.

Он не помнил. Помнил другие жалобы, более понятные для немедленного ответа: душное помещение, задержанный материал, человека, который снова изменил размеры после последней примерки. Руку, наверное, положил туда же.

О состоянии сустава она знала до его приезда. Уже ходила на консультации, меняла нагрузку. Теперь ей предложи-

ли восстановительный курс, и она сама попросила Никиту посмотреть описание: хотел ли врач менять что-нибудь ещё или она правильно поняла границы.

Никита прочёл. Здесь всё было именно так, как объяснили матери: местное восстановление с последующим возвращением к нагрузке. Внешность, остальные органы и способы мышления не затрагивались.

Он приехал с ней на следующую встречу и услышал, как Софья задаёт вопросы, которых не было у него в списке. Когда она сможет держать булавку? Придётся ли отменять все примерки или можно оставить те, где руки свободны? Кого позвать для подмены, если очередную проверку перенесут?

Ему хотелось спросить о максимальном возможном результате. Ей — о ближайшем заказе.

Основную часть курса покрывала её программа медицинского обеспечения. Личную доплату Софья уже отложила. Никита предложил взять её на себя; мать ответила, что лучше он поможет выбрать дни, когда действительно сможет приехать. Он назвал три. Один потом пришлось изменить из-за его собственной процедуры, и сообщить об этом оказалось труднее, чем обещать деньги.

Лечение началось в феврале. В первые недели рука не превратилась в новую. Софья продолжала беречь захват, делала только разрешённую часть работы, возвращалась на проверку. Никита иногда приезжал после своего занятия и сидел рядом молча. У него голова уставала от ещё не осво-

енных возможностей, у неё пальцы — от слишком знакомых движений. Они слушали, как за стеной кто-то без конца перематывает одну музыкальную фразу для репетиции.

В начале марта она прислала короткую запись. Держала левой рукой край ткани, правой застёгивала маленькую пуговицу. Потом расстегнула и застегнула ещё раз, рассмеялась за кадром и сказала, что теперь он наверняка потребует десять повторов.

Никита пересмотрел запись несколько раз. Не из-за проверки.

Через неделю увидел то же движение сам. Мать всё ещё меняла положение руки раньше, чем было нужно. На его вопрос ответила, что ждёт прежней боли, хотя та уже не приходит так, как раньше.

К очередной встрече Никита принёс другое предложение.

* * *

Женщину в жакете звали Тамара. Она репетировала роль, в которой приходилось долго стоять, затем резко поворачиваться и поднимать обе руки. Софья попросила показать этот поворот. Никита отпустил рукав слишком поздно и на мгновение удержал Тамару за собой.

— Вот, — сказала та. — Если зрители будут так же помогать, я до конца не уйду.

Мать отобрала у сына ткань и назначила ему более про-

стую работу: придерживать свободный край, пока она закрепляет новую линию. На этот раз объяснила, когда отпустить.

Никита выполнил всё правильно. Тамара повернулась, рукав пошёл за плечом и перестал собираться в неприятную складку.

— Теперь могу сердиться, — сказала она. — Раньше получалось, что прошу разрешения.

Софья велела повторить с другой стороны. Пришла коллега, принесла узкую полосу ткани и спросила, каким будет окончательный край. Они обсуждали цвет, пока Тамара держала руки поднятыми. Потом та опустила их сама.

— Я уже согласна на любой. Кровь важнее оттенка.

Софья извинилась, забрала у неё жакет и отпустила переодеваться. Никита заметил, что мать почти не пользуется ножницами: большую часть сегодняшней работы составляли разметка и примерка. Она вернулась к делу, но ещё не пыталась прожить весь прежний день без перерыва.

Его планшет лежал на стуле под шарфом. Изображение успело погаснуть.

— Что ты хотел показать? — спросила Софья, складывая снятый жакет.

Он включил экран.

Два варианта лица почти не различались. Никита специально убрал всё, что могло показаться чужим: слишком ровные щёки, не её линию рта, искусственную густоту волос.

Получилась женщина, которую он помнил молодой, только без точно повторённой старой фотографии. Средство построения вариантов предупреждало о приблизительности; ему хотелось, чтобы мать увидела возможность прежде оговорок.

Софья взяла планшет правой рукой.

— Это я?

— Один из вариантов. Можно сохранить больше нынешнего. Здесь довольно мягко.

Она увеличила изображение, посмотрела на рот, потом переключила на второе. Вернулась к первому.

Никита приготовился объяснять, что омоложение не требует отказаться от уже выбранного лечения. Это отдельный курс, другая нагрузка и другое время. Он ничего не записывал за неё, никому не отправлял заявку. Ему казалось важным сначала успеть сказать всё это.

— Не хочу, — сказала Софья.

— Посмотри второй.

— Я посмотрела.

Она вернула планшет. Он держал его перед собой, не опуская.

— Ты думаешь, это помешает работе?

— Нет.

— Тогда что?

Софья потянулась за мелом, увидела, что он лежит возле Никиты, и попросила подать. Он подал. Мать отметила на

жакете место для застёжки.

— Мне так нравится, — сказала она.

Ему этого оказалось мало. Не потому, что ответ был непонятен. Он слишком хорошо видел, как убрать то, что ему самому казалось потерей: возраст, утомление, будущую необходимость снова ждать у её двери результата лечения. Подготовил два лица, а за ними держал целую жизнь, в которой матери ещё долго не понадобится его помощь.

— Лицо можно не менять. Есть другие части программы.

Она положила мел.

— Никита. С рукой я к тебе пришла. Остальное ты принёс сам.

Он молчал.

В соседнем помещении Тамара что-то сказала коллегам. Раздался громкий смех. Мать обернулась на звук, как человек, которого ждёт собственная компания. Никита впервые за весь разговор почувствовал, что задерживает её.

— Я же не настаиваю.

Софья посмотрела на планшет в его руках.

Он выключил его.

* * *

После примерок они пили чай в маленькой комнате с сушилкой для одежды.

Софья сама вернулась к руке. Спросила, когда исчезнет

привычка отпускать раньше боли. Врач говорил о постепенном возвращении движений; Никита мог объяснить другую часть, ту, которой занимался сам.

Он рассказал, как после изменения новый результат ещё не совпадает с ожиданием. Начал приводить в пример Рафаэла. Мать вспомнила примерку красного верха: пришлось просить его сесть ещё раз, потому что сначала он сел слишком осторожно, стараясь ей понравиться. По такому движению она не могла понять, удобно ли ему на самом деле.

— Значит, опять привыкать, — сказала она.

— Да. Но не заставлять себя каждый раз, будто надо доказать, что уже всё хорошо.

Софья подержала чашку левой рукой, затем обхватила обеими.

— Я всё равно жду. Пока застёгиваю, уже знаю, где заболит.

Мать рассказывала о следующей постановке. Тамара должна была выйти в вещи, которая на первый взгляд казалась простой, а при движении меняла силуэт. До болезни Софья соглашалась на такую работу без размышлений. Теперь оставила за собой только часть; длинные ручные операции передала коллеге, заранее разделив оплату. Вернуть всё себе после удачного восстановления было бы легко. Она пока не собиралась.

Никита спросил, нужен ли помощник на следующую примерку.

— Нужен. Будешь записывать номера деталей, пока мы двигаем булавки. Я потом половину своих пометок не разбираю.

— Я могу принести камеру.

— А я могу принести сына с карандашом. В четверг к пяти.

Он проверил календарь. К пяти не успевал; договорились на половину шестого. Софья вписала его имя рядом с Тамариным.

Уходя, мать остановилась у зеркала в коридоре. Подняла волосы, посмотрела на открывшуюся шею, отпустила. Сказала, что хочет постричься короче, и спросила его мнение.

Никита чуть не ответил, что с её лицом лучше оставить прежнюю длину. Вместо этого попросил показать, насколько короче.

Она собрала волосы снова. Он сказал, что ему нравится, когда видно шею. Софья посмотрела сбоку, поправила прядь и ответила, что ещё подумает.

* * *

Дома Майя попросила показать варианты.

Никита рассказал ей о разговоре сам, начиная с того, как не вовремя удержал Тамару. До планшета добрался только после её смеха. Теперь сидел на полу у дивана и открывал два лица, которые утром казались удачной заботой.

Майя посмотрела внимательно.

— Похожа на себя?

— Похожа. В молодости.

— А на себя сейчас?

— Тоже.

Майя переключила изображение на второе, потом вернула планшет.

— А с пуговицей покажи.

Никита показал короткую запись с пуговицей.

Они досмотрели её до конца. Голос матери произнёс про десять повторов, послышался смех. Майя попросила включить ещё раз — теперь уже из-за голоса.

Никита вернул запись к началу и оставил планшет у Майи на коленях. Когда мать за кадром снова засмеялась, они оба улыбнулись.

Глава 16. Завтра никуда не едем

В апреле Майя впервые попросила Никиту не прекращать работу из-за неё.

Она пришла в его комнату в центре с двумя контейнерами и застала его перед длинной последовательностью движений. На экране человек тянулся к предмету, ошибался, возвращал руку. Рядом шла другая запись — почти такая же, но Никита всё время находил разницу раньше Майи.

Он повернулся к ней и начал убирать изображение.

— Оставь. Я тоже хочу посмотреть.

Никита освободил место. Она села, достала еду и несколько минут пыталась понять, чем он занят.

Работа относилась к его предложению для орбитальной программы. Пока только наземные пробы: меняли зрительную опору и доступные телесные сигналы, смотрели, на что человек полагается при движении. До настоящего полётного опыта оставалось далеко. Майе нравилось, что он не торопится назвать нарисованный наклон невесомостью.

Никита показал ей два случая. В одном участник исправил движение после взгляда, в другом раньше. Майя увидела различие, потом потеряла его, когда он добавил третью запись.

— Подожди. Верни того, в сером.

Он вернул и спросил, заметила ли она поворот локтя.

— Не заметила. Я ещё за кистью смотрю.

Никита уменьшил скорость. Объяснял без прежнего нетерпения, радуясь, что может показать не только готовый вывод. Майя вдруг поняла: пока он выбирает слова для неё, работа не рассыпается у него в голове. Он возвращается к тому же месту, удерживая несказанное.

— Ты сейчас обо всём этом думаешь?

— О части. Если начну считать, что именно держу, потеряю.

Она засмеялась.

— Очень надёжная способность.

— Уже надёжнее, чем в феврале.

Он посмотрел на еду и только теперь заметил вторую коробку.

— Это всё мне?

— Нам. Надёжность закончилась?

Никита убрал часть записей. Когда они начали есть, сказал, что в первые дни боялся перестать понимать, какая мысль его. Врач и Лейла объясняли устройство, он сам знал намного больше, чем умел пересказать. Всё равно ждал чего-то чужого.

— А оказалось?

— Я могу ошибаться в большем числе мест сразу.

Майя рассмеялась с набитым ртом и чуть не пролила соус. Он подставил крышку, поймал край салфеткой. Несколько минут никакой новой способности им не понадобилось.

Позже Никита сделал при ней короткое сравнение, которое раньше откладывал до отдельного дня. Рядом оказались три случая, и стало видно: участники искали глазами знакомую опору не в один и тот же момент движения. Он предложил следующую пробу — менять время появления ориентира, сохраняя сам рисунок. Быстро набросал несколько вариантов и убрал два, для которых пришлось бы переделывать установку.

— Уже знаешь, как провести? — спросила Майя.

— Хочу предложить группе завтра. Если согласятся, готовить будем дольше, чем я сейчас придумывал.

Он сохранил оставшееся и ещё немного смотрел на экран. Майя поняла, что домой ему хочется меньше, чем пять минут назад. Никита вздохнул, закрыл записи и пошёл за курткой.

По дороге домой он рассказывал о том, что хочет попробовать дальше. Они шли медленно, в обход большой лужи, и всё равно оба промочили обувь. Никита не заметил, что второй раз ведёт её к тому же мокрому краю. Майя взяла его под руку и вывела на сухое.

Ей нравился этот вечер. Его работа, быстрый новый интерес, вода в ботинке, которую он обнаружил с запозданием. Она ещё не знала, каким станет их общий темп, но сейчас хотелось идти рядом.

* * *

О квартире он заговорил в мае.

Майя мыла на кухне яблоки, собираясь взять их утром на смену. Никита вошёл с изображением большой светлой комнаты. В ней было два отдельных стола, но он сразу уточнил, что это прежняя обстановка, они смогут поставить иначе.

— Здесь есть ещё одна маленькая комната. Дверь закрывается.

Она повернулась, держа мокрое яблоко.

— Где?

Он показал план. Отсюда можно было быстрее добираться и до его выделенного узла, и до её нынешнего стенда. Дом был дороже их квартиры, но часть повышения покрывала новая исследовательская выплата Никиты. Оставались деньги на обычный резерв, если не добавлять других крупных расходов.

Он уже сравнил несколько вариантов. Нашёл, где тише, где не придётся переставлять чужую мебель, где можно держать рабочие места раздельно. Майя слушала и всё яснее понимала, сколько времени он провёл внутри жизни, которую она видит впервые.

— Ты туда ездил?

— В два места. Это лучше.

— Когда?

— На прошлой неделе. Я хотел сначала убрать неподходящее.

Яблоко всё ещё было у неё в руке. Она положила его в миску, вытерла ладони.

— Мы собираемся переезжать?

Никита посмотрел на неё внимательнее.

— Я предлагаю.

Он говорил искренне. На его плане были расстояния, цена, оборудование, две закрывающиеся двери. Майя могла проверить любой ответ, кроме того, с которого сама начала бы разговор.

Зимой они действительно говорили, что тесно. После истории с доставкой некоторое время осторожно обходили эту тему, как оставленную на полу коробку. Потом Никита перенёс узел, они вернули стол, и работа снова поместилась. Майя считала, что пока вопрос закончен. Он, оказывается, считал его отложенным.

— У меня участок могут поменять после следующей серии, — сказала она. — Ты к какому месту меня приблизил?

— К нынешнему. Для второго тоже считал.

— А для третьего?

— Третий ещё не определён.

— Вот именно.

Он открыл карту. Майя не стала смотреть.

Стенд оставался наземным, следующий грузовой срок ещё согласовывали. В её группе обсуждали распределение

работы на вторую половину года. Она могла оставить за собой знакомый участок или перейти к подготовке другой среды. Ни один вариант не означал отказа от полётной программы. Ни один пока не был решён.

Никита знал об этом. Он предложил такое устройство, при котором ей удобнее всего было бы сохранить нынешнее.

— Ты можешь выбрать другую работу, — сказал он.

— Конечно, могу. Только ты уже построил хорошую жизнь вокруг этой.

Он замолчал. Майя знала это выражение: сейчас он попробует исправить модель так, чтобы её возражение туда поместилось. Ещё весной прошлого года она радовалась этой его способности. Теперь пришлось дождаться, пока он перестанет искать поправку.

— Я не хочу сейчас переезжать, — сказала она. — Мне хватает одной незаконченной перемены.

— Мы можем хотя бы посмотреть.

— Зачем?

— Чтобы ты понимала, от чего отказываешься.

Она услышала это и отодвинула миску слишком резко. Яблоки стукнулись друг о друга.

Никита отвёл взгляд первым.

— Плохо сказал.

— Да.

Он убрал карту. Майя закончила мыть яблоки и разложила их на полотенце. Разговор можно было продолжать, но ей

уже не хотелось объяснять ещё точнее, иначе на каждый её ответ возникнет более удобный вариант отказа.

* * *

В пятницу, семнадцатого мая, Никита прислал время просмотра.

Майя прочла сообщение между рабочими пробами. В субботу, в одиннадцать; хозяйка сможет раньше, если им неудобно. Он добавил, что ничего не обещал и после просмотра они решат вместе.

Она посмотрела на слово «вместе». Вчера оно значило, что решение ещё не принято. Сегодня — что придётся потратить утро на действие, против которого она уже возразила.

Майя вышла из рабочей комнаты и позвонила ему.

— Я не поеду.

Он помолчал.

— Хорошо. Я отменю.

— Пришли мне отмену.

— Ты думаешь, я всё равно тебя повезу?

— Я думаю, что ты можешь оставить на всякий случай.

Ей не понравилось, как прозвучал собственный голос. Не понравилось, что именно этого она и опасалась. Никита ответил, что отменит сейчас, и они закончили разговор.

Через несколько минут пришло подтверждение. Время

исчезло из общего календаря. Майя проверила, положила телефон и вернулась к образцам.

Рабочая серия шла тяжело ещё до звонка. Знакомые смеси давали слишком много новых различий; к концу каждого отрезка обычный запах помещения тоже становился настойчивым. Она сокращала включения, делала перерывы, но всё равно устала раньше, чем закончила запланированное.

После последней пробы у неё стояла обычная настройка сопровождения.

* * *

В комнате наблюдения было тихо. Майя сняла рабочую накидку, села и попробовала описать ощущение, которое осталось после серии. Слово «тяжёлое» опять оказалось недостаточным: голова не болела, но хотелось, чтобы любой следующий запах подождал до завтра.

Специалист спросила, не изменилось ли что-нибудь ещё с прошлого занятия.

— Раздражена, — сказала Майя. — Мы с Никитой поспорили. Это было до последних проб.

— Что мешает сейчас сильнее?

Она прислушалась. Трудно было разделить, потому что усталость нового чувства делала каждую мысль о разговоре громче.

— Канал. Хочу его ненадолго убавить.

Они выбрали прежний облегчённый режим. На экране появился знакомый перечень: чувствительность, длительность следующего включения, дополнительный перерыв. Мирт участвовал в сопровождении по рабочему соединению. Предложил оставить сокращённый отрезок и на первое занятие после выходных. Майя согласилась, попросив потом вернуться к обычной длительности, если освоится.

Сначала исчезло неприятное наложение ощущений. Она различала воздух комнаты, но он больше не требовал постоянного внимания. Опустила плечи, попросила воды.

Специалист дала ей посидеть, затем предложила короткую знакомую пробу. Майя узнала её без усилия. Следующая потребовала подумать. Они закончили на этом.

Запись сеанса добавилась в личную историю. Майя открыла итог и увидела те параметры, которые выбирала. Время, длительность, её собственное сообщение об утомлении. Фраза о споре тоже осталась в описании состояния до начала; она её не убирала.

Когда вышла, Никита прислал ещё одно сообщение. «Прости. Я услышал “не сейчас” как “убеди меня потом”. Не буду».

Утром от такого объяснения захотелось бы спросить, сколько раз ещё придётся говорить одно и то же. Сейчас Майя прочла его с почти ласковым утомлением. Он ошибся. Признал. Просмотр отменён. Можно было идти домой.

Она написала: «Я тоже устала. Вечером поговорим».

* * *

Никита ждал на кухне. Ничего праздничного не приготовил, за что Майя была благодарна: ей не хотелось принимать красивое извинение вместе с ужином.

Он отодвинул стул, потом остановился и дал ей сесть самой. Это было так неловко, что она улыбнулась.

— Стул можно.

— Я уже не уверен.

— Стул — можно. Квартиру пока не надо.

Он сел напротив.

Майя рассказала о рабочей серии и снижении нагрузки. О квартире заговорила сама, пока они ещё не начали есть. Хотела сказать всё то, что днём складывалось в очень ясную речь. Не о цене, не о дороге. О том, что она оказывается в его готовом ответе раньше собственного вопроса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.